

005012902

На правах рукописи

МОСЕЙКИНА Марина Николаевна

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
В 1920-1960-е гг.**

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

29 АПР 2012

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Сабенникова Ирина Вячеславовна,
заведующая сектором археографии и
использования документов
Всероссийского научно-исследовательского
института документоведения и архивного дела

доктор исторических наук, профессор
Сизоненко Александр Иванович,
ведущий научный сотрудник
Института Латинской Америки РАН

доктор исторических наук, доцент
Пеньковский Дмитрий Дмитриевич,
профессор кафедры истории
Московского гуманитарного университета

Ведущая организация: Институт переподготовки и повышения
квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук
МГУ имени М.В. Ломоносова

Защита состоится 27 апреля 2012 г. в 12.00 час. на заседании Диссертационного совета Д 212.203.03 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, корп. 2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского университета дружбы народов по адресу: 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «15» апреля 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

Е. В. Кряжева-Карцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Русская эмиграция в истории XX века представляла собой этнокультурную общность, на основе которой сформировался феномен Русского зарубежья. Его основные центры располагались на всех континентах. Примерно двадцать лет назад «начался уникальный в истории мировой цивилизации процесс возвращения в Россию ее зарубежного мира»¹, составной частью которого является русская эмиграция в странах Латинской Америки. Исследование истории России в связи с миграцией ее населения в страны Нового Света и, в частности, на латиноамериканский континент в 1920-1960-е гг. значительно обогащает представления о месте и роли нашего государства в мировом историческом процессе.

Формирование русской диаспоры в разных странах Латинской Америки происходило на протяжении всего XX века, однако этот процесс значительно усилился под воздействием политических и социально-экономических событий, вызванных революцией 1917 г., Гражданской, затем и Второй мировой войной.

На разных этапах существования диаспоры в ее составе сохранялась значительная часть выходцев из России, которые отстаивали в своей повседневной жизни право оставаться русскими, сохранить себя как единое целое, не раствориться полностью в чужом для них мире. В условиях Латинской Америки это была непростая задача, поскольку латиноамериканские переселенческие социумы повторяли модель «плавильного котла» и пространство «мультикультурализма» здесь оказалось достаточно ограничено². Но именно благодаря смешению наций нынешняя Латинская Америка представляет собой важнейшую составляющую культурно-цивилизационного многообразия современного мира, свой вклад в которую внесла и русская диаспора.

Эту часть зарубежного мира наше государство признало соотечественниками, связанными с Россией историческими, этническими, культурными, языковыми и духовными узами, стремящимися сохранить российскую самобытность и испытывающими потребность в поддержании контактов и сотрудничестве с Россией³.

Научное осмысление этого феномена, изучение опыта адаптации русской эмиграции к инокультурной среде при сохранении национальной идентичности имеет важную научную и практическую значимость.

Свидетельством актуальности данной темы стал также возросший интерес российского общества к историческому и культурному наследию Русского зарубежья в латиноамериканских странах, к научному исследованию истоков и причин появления там эмиграции, влияния русской национальной культуры на культуру региона.

Выстраивание отношений с соотечественниками стало новым направлением внешней политики Российской Федерации, рассматривающей «многомиллионную русскую диаспору – Русский мир – в качестве партнера, в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры»⁴. В последнее время произошла заметная активизация политического, торгово-экономического и гуманитарно-культурного сотрудниче-

¹ Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. – С. 9.

² Давыдов В. М. Цивилизация и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. – М., 2006. – С. 36, 40. За период 1904–1930 гг. общее число переселенцев на латиноамериканский континент составило в целом по региону 8,7 млн. человек.

³ От Съезда до Конгресса соотечественников. Сборник материалов Института стран СНГ. – М., 2001. – С. 43–46.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 12 июля 2008г. // <http://kremlin.ru/acts/785> (сайт Президента России)

ства нашей страны с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна, что способствует расширению и углублению диалога между Российской Федерацией и соотечественниками, проживающими в этом регионе мира. В ряде стран континента они многочисленны и играют заметную роль в различных сферах экономики, культуры, науки, образования. Всего русскоязычное сообщество насчитывает сегодня около 130 тыс. человек.

В этой связи министр иностранных дел РФ С. В. Лавров отмечал, что «наше возвращение в Латинскую Америку произойдет с помощью русских диаспор... Мы будем и впредь добиваться как можно более полного раскрытия богатейшего созидательного потенциала объединяющего нас Русского мира»⁵.

В настоящее время укрепляется понимание того, что Россия и зарубежный Русский мир являются частью одного этнокультурного пространства.

Таким образом, изучение проблемы истории русской эмиграции в Латинской Америке в 1920 – 1960-е гг. имеет и научно-познавательное, и политико-практическое значение.

Научное значение объясняется тем, что история белой эмиграции и перемещенных лиц в странах Латинской Америки является одной из наименее исследованных страниц в отечественной и зарубежной историографии, в которой нашли отражение лишь отдельные аспекты данного вопроса. Между тем, изучение опыта адаптации русской эмиграции в странах латиноамериканского континента, ее взаимодействия с народами этих государств, контактов и связей с исторической родиной нуждается в комплексном исследовании, которое будет способствовать расширению представлений о прошлом нашей страны.

Практическое значение изучения поставленной проблемы будет способствовать выработке стратегического курса по активизации деятельности внешнеполитических учреждений РФ с зарубежными организациями соотечественников в целях сохранения этнокультурной самобытности русских диаспор и их связей с Россией, а также для обеспечения российского культурно-информационного присутствия за рубежом и формирования позитивного имиджа России в мире.

Объектом данного исследования является русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг., сформировавшаяся после революции 1917 г., Гражданской и Второй мировой войны.

Предметом исследования стали процессы политической, социально-экономической, правовой и социокультурной адаптации русских эмигрантов в латиноамериканских странах, механизмы институционализации диаспоры и способы ее интеграции в инокультурное общество, связи с родиной, взаимоотношения «первой» и «второй» волн эмиграции.

Хронологические рамки исследования охватывают 1920 – 1960-е гг. – период, характеризовавшийся интенсивным формированием и развитием русской диаспоры, завершением процесса ее адаптации в странах Латинской Америки.

Нижние хронологические рамки связаны с событиями революции 1917 г. и Гражданской войны в России, а также с последующей активной эмиграцией из Южной и Западной Европы, Турции, с Балканского полуострова и с Дальнего Востока. Именно в это время началось формирование и структурирование русской диаспоры на латиноамериканском континенте, поиск форм и методов ее адаптации.

Верхняя хронологическая грань исследования связана с формированием «второй» волны русской эмиграции в Латинской Америке, благодаря которой числен-

⁵ <http://www.rian.ru/interview/20081117/155302047.html> (сайт РИА Новости)

ность послереволюционной эмиграции на континенте возросла за счет переселения сюда представителей белого движения из Европы и Китая, а также новой советской эмиграции. К концу 1960-х гг. завершился процесс адаптации и интеграции в социально-правовую структуру стран Латинской Америки послевоенных беженцев и перемещенных лиц; с начала 1970-х гг. формировалась новая, «третья» волна эмиграции из СССР.

Географические рамки исследования охватывают практически все страны Латинской Америки, в которых еще с конца XIX в. расселялись эмигранты из Российской империи и куда после Гражданской и Второй мировой войн направлялся основной поток переселенцев из Советской России / СССР. Странами, в которых сформировались наиболее крупные русские диаспоры, стали Бразилия, Аргентина, Уругвай, Парагвай, Венесуэла. Кроме того, в диссертации рассмотрены Мексика, Чили, Перу и некоторые другие страны, где число переселенцев из России было не столь значительным, но иммиграционные законодательства этих государств также обеспечивали въезд в них дешевой рабочей силы.

Степень изученности проблемы. Специального комплексного исследования, объектом которого была бы история русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920-1960-е гг., до настоящего времени нет. Данная диссертация преследует цель заполнить эту лауну. В то же время необходимо отметить, что в последние годы появились труды, которые составили определенную базу для комплексного анализа данной научной проблемы.

Среди них – исследование по отдельным вопросам международно-правового урегулирования статуса русских беженцев и переселенцев; истории белой эмиграции, перемещенных лиц и их адаптации в странах латиноамериканского рассеяния; роли русских эмигрантов в развитии экономики, культуры, образования государств Латинской Америки.

Однако, несмотря на изучение различных аспектов проблемы, некоторые вопросы до сих пор остаются не исследованными или мало исследованными, в результате до настоящего времени не сложилось цельной картины истории русской эмиграции и ее адаптации в странах Латинской Америки в XX в. Проблема нуждается в дальнейшем научном исследовании. Историографии проблемы посвящена специальная глава диссертации.

Целью диссертационного исследования является реконструкция истории русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг. как части зарубежного Русского мира, выявление факторов и результатов ее адаптации. Анализ степени научной разработанности темы, поставленная цель исследования обусловили постановку следующих задач:

- выявить основные теоретико-методологические подходы современной исторической науки к исследованию феномена Русского зарубежья и на этой основе проанализировать историографию и источниковую базу исследуемой проблемы;

- исследовать международно-правовую основу разрешения беженской проблемы в послереволюционный период и показать ее влияние на процесс формирования русской эмиграции в странах Латинской Америки;

- проанализировать иммиграционную политику латиноамериканских стран и выявить ее связь с динамикой переселения беженцев за океан; характером правового регулирования положения русских как иностранцев;

- изучить особенности социально-экономической адаптации переселенцев; исследовать деятельность эмигрантских организаций в процессе их социализации;

- проанализировать формирование институциональной основы эмигрантского сообщества, определить ее количественные и качественные показатели;

- изучить исторический опыт русской диаспоры по сохранению национальной идентичности в инокультурной среде, оценить ее вклад в экономическую и культурную жизнь латиноамериканских стран;

- исследовать степень вовлеченности русской эмиграции в политические процессы периода «холодной войны» и в этой связи показать характер взаимоотношений между представителями «первой» и «второй» волн эмиграции;

- на фоне международных отношений и состояния советско-латиноамериканских межгосударственных связей раскрыть проблему противостояния и сотрудничества части эмиграции с советскими структурами; проанализировать отношение эмигрантского сообщества латиноамериканских стран к проблеме репатриации.

Методологическая основа исследования отражена в I разделе диссертации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые осуществлен комплексный анализ истории русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920–1960-е годы в контексте политических событий в России и в мире.

Научная новизна работы обеспечена также введением в научный оборот новых документов, в том числе ранее не опубликованных архивных материалов. В методологическом, источниковедческом и конкретно-историческом плане научная новизна исследования определяется рядом факторов:

- в диссертации впервые проведен целостный историографический анализ изучаемой проблемы и показан процесс постепенного приращения исторических знаний о русской диаспоре в странах Латинской Америки;

- представлена классификация имеющихся в распоряжении исследователей источников по поставленной проблеме, осуществлен аксиологический подход, позволяющий определить полноту, достоверность и репрезентативность источниковой базы, намечены перспективы ее дальнейшего расширения;

- впервые раскрыт феномен Русского зарубежья в Латинской Америке как части Русского мира; на новом историческом материале рассмотрены проблемы сохранения национального самосознания (идентичности) русских в Латинской Америке в контексте связи с иммиграционной политикой латиноамериканских стран и состоянием международных отношений в XX в.;

- в исследовании в отличие от предыдущей историографии дается всесторонняя картина деятельности русской диаспоры по сохранению языка, религии и культуры на континенте (через Русскую православную церковь и ее многочисленные приходы, через школу, печать, издательское дело, молодежные организации втязей, разведчиков, кадетов и т.д.);

- новым является комплексное исследование и сравнительный анализ правового и социально-экономического положения русских эмигрантов в разных странах Латинской Америки, благодаря чему формируется коллективный социальный образ русской диаспоры на континенте;

- на основе архивных документов и дополнительных сведений, представленных в историографии, раскрыта роль Русской православной церкви в Латинской Америке, старых дипломатических миссий в деле создании системы социальной и правовой защиты;

- через призму общественно-политической жизни диаспоры в отдельных странах проведен анализ идейных течений в эмигрантском движении; раскрыты идейно-

политические позиции русской эмиграции накануне и в годы Второй мировой войны; – в научный оборот впервые введен новый документальный материал о деятельности советских структур по репатриации из латиноамериканских стран; определены направления и характер сотрудничества эмигрантов с советскими посольствами и общественными организациями, раскрыта степень их эффективности с точки зрения культурно-гуманитарной дипломатии, ориентированной на использование ресурсов зарубежных соотечественников в интересах страны исхода;

В целом, новизна исследования определяется тем, что в нем разработано новое, систематическое и целенаправленное направление в изучении Русского зарубежья, отвечающее современной эпистемологической ситуации.

Новизной отличаются и выводы, сделанные в диссертации, о возможности использования исторического опыта существования русской диаспоры в ибероамериканском мире, что имеет особое значение для прогнозирования новых тенденций в сфере гуманитарной составляющей внешней политики России.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена содержащимися в нем фактическими и оценочными данными о формировании, деятельности и адаптации русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг., ее роли в развитии контактов и связей латиноамериканских государств с СССР.

Основные положения и выводы диссертации способствуют приращению знаний не только по истории Русского зарубежья, но и в целом по отечественной истории. Материалы диссертации могут быть использованы в научной и педагогической работе при написании монографий, учебников, учебных пособий для высшей школы, при разработке общих и специальных курсов лекций. Материалы, имеющиеся в диссертации, будут полезны при подготовке различных политических документов, в том числе правительственных, в области миграционной политики и в сфере сотрудничества России с соотечественниками, проживающими в зарубежных странах, в частности, латиноамериканских.

Апробация работы и практическое использование результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации изложены в монографии и 50 научных публикациях. Научные выводы и практические рекомендации были представлены в виде докладов и сообщений на различных конференциях, конгрессах, состоявшихся в РФ и за рубежом. В частности, статьи по теме диссертации были опубликованы в сборниках Института российской истории РАН (1996–2006 гг.), в материалах международных научных конференций «Нансеновские чтения» в Санкт-Петербурге (2007–2009 гг.); результаты исследования изложены на научных конференциях на тему «Казачество в истории России и пограничья» (Улан-Удэ, 2009), «Латинская Америка в годы Второй мировой войны» (Москва, 2010); «1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения» (Архангельск, 2010), «Русская эмигрантская литература и искусство в европейском контексте. Вклад в мировую культуру. Научное и культурное наследие российской диаспоры в Болгарии 1920-1930-х годов» (София, 2010). Материалы диссертации использовались в докладах на X Всемирном конгрессе латиноамериканистов (Москва, 2000), 52-м Международном конгрессе американистов (г. Севилья, Испания, 2006), а также при подготовке в рамках фонда «Русский мир» коллективного проекта «Русский мир и Россия: модели и факторы единства и разъединения в XX веке»: Хрестоматия. База данных» (М., 2009). Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию при чтении автором спецкурса «История русского зарубе-

жью» для студентов факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснованы актуальность, объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрываются научная новизна и практическая значимость избранной проблемы.

Первый раздел «Методология исследования, историография и источниковая база проблемы» состоит из трех глав.

В *первой главе*, посвященной методологической основе диссертации, показано, что она определяется спецификой предмета исследования и эффективностью научного поиска. Раскрытие темы диссертации предполагает применение комплексного подхода к решению поставленных задач. В исследовании использовались эмпирические данные и теоретические наработки, представленные в рамках таких научных дисциплин, как история, антропология, социальная психология, культурология, социология, политология. Именно междисциплинарный подход и позволил рассмотреть все стороны феномена русской эмиграции в Латинской Америке.

Кроме того, в методологическую основу работы вошли теоретические выводы современной миграциологии о причинах и направленности миграционных процессов, факторах вынужденной миграции (социально-экономических, политических, национально-этнических, социально-психологических и др.)⁶.

Миграции или пространственное перемещение населения являются одним из весьма сложных историко-демографических феноменов, определяющих собой многие черты современной общественной, политической и экономической жизни. Причины, формы, результаты, последствия миграций в разные времена и в разных условиях были различны. В этом смысле миграция населения глубоко исторична. Многие из крупнейших стран современного мира, в том числе США и ряд государств Латинской Америки, обязаны своим существованием международным миграциям.

В современной зарубежной и отечественной историографии активно разрабатывается проблема диаспоральности народов в условиях активных миграционных процессов XX – начала XXI в. При этом в литературе еще продолжается дискуссия по поводу самой дефиниции «диаспора»⁷. Наиболее распространенное определение диаспоры включает в себя обозначение конкретной этнической (религиозно-этнической) общности выходцев из одной или нескольких стран, компактно проживающих за преде-

⁶ Денисенко В.А., Понцев В.А., Хорев Б.С. Миграциология. – М., 1989; Понцев В.А. Международные миграции населения: теория и история изучения. – М., 1999; Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып. 5. Стадии миграционного процесса. – М., 2001; Моденов В. А., Носов А.Т. Россия и миграция. История, реальность, перспективы. – М., 2002; Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. – М., 2004; Бондырева С.К., Капесов Д.Б. Миграция. Сущность и явление. – М., 2007; Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения. – М., 2009; Глуценко Г.П., Пономарев В.А. Миграция и развитие. – М., 2009; Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф. Мировой рынок труда и международная миграция. – М., 2010 и др.

⁷ Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 6–18; Тоценко Ж., Чаптыгова Т. Национальная диаспора как объект этносоциологического исследования. – М., 1997; Полоскова Т. Диаспоры в системе международных связей. – М., 1998; Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8–24; Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 160–183; Попков В. Феномен этнических диаспор. – М., 2003 и др.

лами родины в иноэтничной среде. Академик В.А. Тишков дополняет данное определение такими признаками диаспоры, как историческая ситуативность и личностная идентификация⁸. Сделан вывод о том, что менталитет диаспоры является производной составляющей от ее адаптивного функционирования⁹.

Российское государство было издавна вовлечено в историю мировых миграций, хотя тема складывания русской диаспоры за рубежом длительное время оставалось малоисследованной. При этом именно в XX в., который сотрясали политические катаклизмы и войны, поставлялся из России основной «диаспорный материал» в разные страны мира и на разные континенты. Наиболее интенсивный характер и сложную структуру имела послереволюционная волна русской эмиграции, изучению которой современные отечественные исследователи уделяют наибольшее внимание.

В научных трудах академика Ю.А. Полякова, члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара, Г.Я.Тарле, З.И. Левина, В.А. Ионцева; И.В. Сабенниковой, З.С. Бочаровой и других авторов разрабатываются общетеоретические и методологические аспекты проблем российской эмиграции. В них представлена типологизация эмиграции, осуществлен анализ ее структурных параметров с точки зрения их функционирования в различных типах обществ, выявлена и дана оценка культурной парадигмы эмиграции¹⁰. Учеными дана оценка послереволюционной эмиграции как масштабного политического и интеллектуального феномена.

История эмиграции тесно связана с историей адаптации переселенцев в иную культурную среду. Начало разработке как самостоятельного научного направления этой комплексной проблемы было положено группой академика Ю.А. Полякова, возглавляющего Центр изучения истории территории и населения России. Среди факторов, влиявших на скорость этого процесса, исследователи называют территориальные, природно-климатические, правовые, политические, культурные. Особо выделяется отношение эмигрантов к своей родине, национальным ценностям, что представляется важным в связи с изучением истории связи диаспоры и родины как важного фактора сохранения идентичности¹¹.

Диаспора, в свою очередь, выступает как общественная модель, создающая идентичность, и в этом качестве она может предложить некие коллективные ориентиры и сформировать общественные институты вне исторической родины. Анализ универсалии «идентичность» представлен в работах Э.Эриксона, З.Баумана, Б.Ф.Поршнева, А.Я. Гуревича, В.А. Тишкова, Л.М. Дробизевой, А.В. Шабаги и др.¹²

⁸ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. – М., 2001. – С. 14.

⁹ Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М., 2001.

¹⁰ Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Исторические очерки / Отв.ред. академик Ю.А.Поляков. – М., 2006. – С. 5–20; Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008; Тарле Г.Я. История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1995. – С. 16–24; Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев и др. – М., 2001; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2002; Она же. Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 58–80; Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М., 2011 и др.

¹¹ История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX в. Сб. ст. / чл.-кор. РАН Ю.А. Поляков (отв. ред.). – М., 1996; Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Исторические очерки. – М., 2006 и др.

¹² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1999; Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002; Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1973; Гуревич А.Я. Категории средневековой

В рамках культурно-цивилизационного подхода к проблематике российской и европейской идентичности современными исследователями разрабатываются новые теоретические интерпретации, направленные на формирование носителя личной и коллективной идентичности. Данный подход помогает глубже понять смысл процессов, протекавших в странах Русского зарубежья, оценить культурно-исторический опыт эмиграции в условиях инокультурного пространства.

В последние годы наряду с понятиями эмиграция и диаспора в научный оборот вошло также понятие «Русский мир»¹³. В данной диссертации используется эта дефиниция как одна из форм культурного поведения и идентичности, в которой приоритетную роль играет самоопределение, русскость (духовность) на фоне сохранения таких значительных консолидирующих факторов как культура и язык¹⁴.

В работе применяется историко-антропологический подход (основоположниками которого являются Л.Февр, М.Блок, Ф.Бродель), суть которого заключается в акцентировании внимания на изучении истории повседневности, образа жизни, обычаев, привычек рядового человека и его семьи, оказавшихся в непривычных для них условиях. Исторические реконструкции и интерпретации, в данном случае отдельных семей русской эмиграции на отдельных исторических пространствах и потому демонстрировавших различные формы адаптации, дают качественное расширение возможностей исторического познания.

В рамках культурологического подхода для данного диссертационного исследования актуализируется проблема межкультурных коммуникаций или диалога культур, важность которого как теоретического подхода, приходящего на смену мультикультурализму развития, подчеркивается в ряде современных российских и зарубежных исследований¹⁵. Являясь одним из новых механизмов адаптации общества к новым реалиям мира, политика межкультурного диалога представляет собой попытку найти оптимальный баланс между стратегиями универсализации и растущей актуализации самобытных идентичностей.

Устойчивым основанием культурно-цивилизационной идентичности в межкультурном диалоге служит религиозное измерение. В работе особо отмечается роль

культуры. – М., 1984; *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997; *Дробжишева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России.* – М., 2006. – С. 10–29; *Шаблага А.В.* Идентичность исторического субъекта как социальный феномен // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология».* – 2009. – № 2. – С. 28–36; *Он же.* Исторический субъект в поисках своего Я. – М., 2009; *Акопов С., Розанова М.* Идентичности в эпоху глобальных миграций. – М., 2010; *Тлюстанова М.В.* Диаспорные идентичности и литература в постнациональном мире: к проблеме переосмысления понятий // *Международный журнал социальных и гуманитарных наук «Личность. Культура. Общество».* Т. XIII. – Вып. 1 (61–62). – 2011. – С. 167–180 и др.

¹³ *Цымбурский В.* «Остров Россия» // http://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia; *Щедровицкий П. Г.* Русский мир. Возможные цели самоопределения // http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_pet/?library=2015; *Он же.* Думать – это профессия. – М., 2000; *Полоскова Т., Скрипник В.* Русский мир: мифы и реалии. – М., 2003; *Батанова О.И.* Русский мир и проблемы его формирования: Дисс... на соис. уч. ст. канд. полит. н. – М., 2009 и др.

¹⁴ *Тишков В.А.* Русский мир // *Стратегия России.* – 2007. – № 6 // <http://valerystishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii.html>; *Никонов В.* Русский, российский, русскоязычный мир // <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=20961>.

¹⁵ *Iberica Americans.* Культуры Нового и Старого Света XVI–XVIII вв. и их взаимодействие. – СПб., 1991; *Василенько И.А.* Диалог цивилизаций. – М., 1999; *Шемьякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. – М., 2001; *Философский дискурс в традиции духовных культур Запада и Востока: Монография / под ред. Н.С. Кирабаева и др.* – М., 2009; *Диалог цивилизаций и посткризисный мир. Мат-лы XII конференции, РУДН, март 2010 / Отв. ред. Н. С. Кирабаев – М., 2010; Тлюстанова М.В.* Карибская транскультурная философия в контексте диалога культур // *Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание.* ISSN 2222-2480. – 2011. № 2(4) и др.

Русской православной церкви в странах Латинской Америки и религиозного фактора в целом как средства сохранения идентичности русской эмиграции и одновременно поддержания межконфессионального диалога в рамках инокультурного пространства латиноамериканских стран.

Важной методологической проблемой является проблема периодизации истории русской эмиграции и совпадающей с ней истории адаптации.

В современном эмигрантоведении сложилась общепринятая периодизация, включающая в себя дореволюционную, послереволюционную (после 1917 г.), именуемую «первой» волной; послевоенную, именуемую «второй» волной эмиграции; «третью» в рамках периода 1970–1980-х гг.; и «четвертую» – современную (после 1991 г.) волну, совпадающую с постсоветским периодом истории нашей страны.

Вместе с тем, ряд отечественных исследователей придерживаются иной точки зрения на проблему периодизации. В первую очередь, среди историков-американистов принято считать в качестве первой волны массовую дореволюционную эмиграцию за океан, преимущественно трудовую¹⁶. Данную точку зрения разделяют Ю.А. Поляков, Е.И. Пивовар, Г.Я. Тарле и ряд других авторов. Они предпочитают в хронологии истории российского зарубежья начальным считать период массовой дореволюционной эмиграции из России второй половины XIX – начала XX в.¹⁷

В данной работе с учетом этнонационального состава послереволюционной эмиграции в странах Латинской Америки и ее вклада в формирование социокультурного пространства, именуемого «Русский мир», берется за основу периодизация истории русской эмиграции, отчет которой был положен событиями революции 1917 г. и Гражданской войны. При этом история «первой» и «второй» волн эмиграции на латиноамериканском континенте рассматривается в тесной связи с практическим опытом трудовой деятельности и общественно-политической жизни выходцев из Российской империи в странах Латинской Америки в дореволюционный период.

Во второй главе анализируется степень разработанности проблемы, выделяются основные этапы в развитии историографии изучения российской эмиграции в странах Латинской Америки, определяются перспективы дальнейших исследований. Особое внимание автора было сосредоточено на анализе исследований обобщающего характера, посвященных истории Российского зарубежья, международно-правовым проблемам статуса русских беженцев, различным аспектам адаптации русской эмиграции за рубежом в рассматриваемый период. Самостоятельную группу составляют специальные труды по социально-экономическим, политическим и культурным проблемам истории русской эмиграции в странах Латинской Америки в XX в.

Первый период становления историографии проблемы совпал с этапом ранней советской историографии 1920–1940-х гг., когда в условиях жесткого идеологического противостояния формировалась классовая концепция истории эмиграции. В этой концепции, далекой от объективности и научности, не признавался особый правовой

¹⁶ Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). – Кишинев, 1986; Нитобург Э.Л. У истоков русской диаспоры в Америке // США. Экономика, политика, идеология. – 1996. – № 7. – С. 84–95; Он же. У истоков русской диаспоры в США: вторая волна // США. Экономика, политика, идеология. – 1998. – № 8. – С. 70–83; Он же. У истоков русской диаспоры в США: третья волна // США – Канада. – 1999. – № 1–2. – С. 80–88.

¹⁷ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. – М., 1999. – С. 46; Тарле Г.Я. История адаптации российских эмигрантов в литературе 1990-х гг. Эволюция понятий // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Исторические очерки. – М., 2006. – С. 62; Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-культурный феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. – С. 68–75 и др.

статус бывших граждан России за границей, а политическая деятельность русской послереволюционной эмиграции оценивалась как контрреволюционная¹⁸.

Одновременно в рамках данного периода шел процесс формирования источниковой базы проблемы, накопления знаний в области международных миграций, затрагивавших отдельные аспекты межконтинентальных переселений¹⁹. В связи с осуществлением общемировых миграционных процессов в научных и публицистических изданиях тех лет рассматривались различные аспекты иммиграции и колонизации в странах Латинской Америки, характер социально-экономических условий проживавших там переселенцев²⁰.

Начиная с 1930-х гг., тема, связанная с историей русской эмиграции, фактически находилась в числе «запрещенных», а источники располагались в спецхранах советских библиотек и архивов. В результате на протяжении почти трех десятилетий в отечественной историографии не появилось сколько-нибудь значительных работ по эмигрантской тематике.

Второй период в отечественной историографии истории Русского зарубежья (1950-е – середина 1980-х гг.) совпал с началом политических изменений в нашей стране в период «хрущевской оттепели». В рамках его происходило расширение источниковой базы исследований за счет пополнения из эмигрантских архивов, прежде всего, Пражского Русского Заграничного исторического архива, переданного СССР в 1946 г., а также публикации мемуаров реэмигрантов. Все это актуализировало эмигрантскую тематику, следствием чего стало заметное увеличение числа новых исторических исследований, посвященных главным образом судьбе непролетарских политических партий в России²¹.

Как самостоятельная проблема история белой эмиграции была поставлена в работах В.В. Комина, Г.Ф. Барихновского, Л.К. Шкаренкова, Ю.В. Мухачева, в которых на основе широкой источниковой базы получила отражение история русской политической и военной послереволюционной эмиграции²².

В рамках рассматриваемого периода в трудах известных ученых-латиноамериканистов – Н.В. Королева, Р.А. Зиновьевой, Л.С. Шейнбаум нашла отражение проблема миграционных процессов в странах Латинской Америки в конце XIX-первой половине XX вв., в связи с которой освещались отдельные аспекты адап-

¹⁸ Мещеряков И.Л. На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции. – М., 1922; Луничков И. За чужие грехи (Казани в эмиграции). – М.-Л., 1925; Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. – М., 1932 и др.

¹⁹ Симолянский Г.Б. Мировая эмиграция и иммиграция. – М., 1926; Егорьев В и др. Правовое положение граждан и юридических лиц СССР за границей. – М., 1926; Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М., 1928; Урланис Б.Ц. Война и народонаселение Европы. – М., 1929 и др.

²⁰ Крюков И.А. Как живут земледельцы в Аргентине // Человек на земле. – М., 1922; Волков А. Иммиграция и колонизация в Аргентине // Мировое хозяйство и международная политика. – 1927. – № 7. – С. 109-115; Комиш Лео. В стране будущего. Мои скитания по Аргентине. – Л., 1924; Витвер П.А. Бразилия и Аргентина. – М.-Л., 1930; Витвер П.А. Южная Америка. – М., 1930 и др.

²¹ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. – М., 1975; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920). – М., 1977; Непролетарские партии России. Урок истории. – М., 1984 и др.

²² Комиш В.В. Политический и идейный крах мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. – Калинин, 1977; Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924). – Л., 1978; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1981; Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М., 1982 и др.

тации европейской иммиграции в инокультурную среду, ее вклада в социально-экономическое развитие континента²³.

В работах А.А. Стрелко наиболее полно представлена история славянской (главным образом украинской и белорусской) трудовой эмиграции в странах Латинской Америки, в частности, проанализированы этапы переселенческого движения, характер социально-экономической и общественной жизни эмигрантов, особое внимание уделено их участию в движении солидарности с СССР в годы Второй мировой войны²⁴.

К истории трудовой и революционной эмиграции из Российской империи за океан в своих работах обратились в эти годы Н.Л. Тудоряну, А.М. Черненко. Благодаря их разработкам были значительно расширены представления о причинах эмиграции в Южную Америку, особенностях социально-экономической жизни трудовых эмигрантов, их общественно-политической деятельности за рубежом²⁵.

Одновременно в рассматриваемый период увидели свет ряд серьезных трудов русской зарубежной (эмигрантской) историографии, в которых содержались важные сведения о международно-правовом режиме и изменениях правового положения россиян-эмигрантов в странах рассеяния, по истории культуры Русского зарубежья и др.²⁶

С конца 1980-х гг. начинается *третий этап* в историографии изучения истории российской эмиграции, который совпал с очередными политическими изменениями в советском обществе, следствием которых стала активизация интереса среди представителей различных направлений гуманитарного знания к судьбам соотечественников за рубежом²⁷.

Важное значение имеют работы обобщающего характера, посвященные «первой» волне эмиграции. Она для исследователей представляет особый интерес в силу ее «наибольшей организованности, высокого интеллектуального потенциала и той роли, которую она сыграла в деле сохранения национальных традиций, оказав при этом большое влияние на культуру стран-реципиентов»²⁸. В частности, в обобщающем труде «Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом» (под ре-

²³ Коралев Н. В. Страны Южной Америки и Россия (1890–1917 гг.). – Кишинев, 1972; Зиновьева Р.А. Латинская Америка: миграция населения и рост промышленного пролетариата. – М., 1978; Этнические процессы в странах Южной Америки. – М, 1981; Шейбиди Л.С. Аргентинский этнос: этап формирования и развития. – Л., 1989 гд.

²⁴ Стрелко А.А. Первые иммигранты-украинцы на латиноамериканском континенте // Латинская Америка. – 1972. – № 4. – С. 86–92; Он же. Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк). – Киев, 1980 и др.

²⁵ Черненко М., Шляхов А. Участники первой русской революции в Аргентине // Латинская Америка. – 1980. – № 11; Тудоряну Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). – Кишинев, 1986; Черненко А.М. Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX–1917). – Киев, 1989; Улевицус П. Эмиграция А. Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. – Вильнюс, 1989 и др.

²⁶ Граббе Г. Правда о русской церкви на родине и за рубежом. – Нью-Йорк, 1961; Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. – Париж, 1961; Зернов И. Русские писатели эмиграции: 1921–1973. – Бостон, 1973; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1977; Осоргина Т.А. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. – Париж, 1981; Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. Пер. с англ. – М., 1994 и др.

²⁷ Шакареников Л.К. Агония белой эмиграции. Изд. 3-е. – М., 1987; Афанасьев А. Польша в чужих полях. – М., 1987; Костикос В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. – М., 1990 и др.

²⁸ Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Под ред. Е.И. Пивовара. – М., 1999; Антропов О.К. История отечественной эмиграции. – Астрахань, 1996–1999. Кн. 1–4; Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М., 2000; Тимонин Е.И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.). – Омск, 2000; Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001; Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. – М., 2004 и др.

дакцией Е.И. Пивовара) рассматривается широкий спектр политической и военной истории русской эмиграции; специальный раздел посвящен характеристике российской эмиграции в Латинской Америке в межвоенный период.

В научных трудах Н.А. Омельченко, М.Г. Вандалковской, А.И. Доронченкова, О.К. Антропова, Н.В. Антоненко и др. нашли отражение идейно-теоретические воззрения представителей либеральной, либерально-консервативной, традиционалистской политической мысли Русского зарубежья, программно-тактические и идеологические аспекты деятельности созданных ими организаций²⁹. Некоторые итоги развития отечественной общественной мысли Русского зарубежья в широких хронологических рамках подведены в одноименной энциклопедии³⁰.

Особое внимание автора диссертации было сосредоточено на анализе исследований И.В. Сабенниковой³¹, З.С. Бочаровой³², в которых на широкой источниковой базе с привлечением зарубежных архивов представлена история деятельности международных институтов и общественных организаций по выработке правового статуса беженцев и правовых условий расселения эмигрантов в разных странах, включая Латинскую Америку. В монографии И.В. Сабенниковой «Российская эмиграция. 1917-1939: сравнительно-типологическое исследование» был проведен сопоставительный анализ положения русских диаспор на разных континентах, включая Европу, Азию, Северную и Южную Америку. Проблемы правового урегулирования положения мигрантов через изучение деятельности Лиги Наций и различные аспекты их социализации стали предметом специального исследования в монографии З.С. Бочаровой «...не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-1930-е годы».

Важную часть историографической базы исследования составили труды по истории военно-политической эмиграции Е.И. Пивовара, А.Ф. Ершова, В.И. Голдина, С.В. Волкова, А.В. Окорочкова и других авторов, в которых рассматривается история воин-

²⁹ Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). – СПб., 1996; Вандалковская М.Г. Эмигрантские прогнозы постбольшевистского преобразования России (30-е годы XX века) // История и историки: Историографический вестник. 2006. – М., 2007. – С. 172–183; Она же. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. – М., 2009; Лакер У. Черная сотня: происхождение русского фашизма. – М., 1994; Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М., 2000; Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб., 2001; Антропов О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). – Астрахань, 2008; Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (30-30-е гг. XX в.). – Мичуринск, 2011 и др.

³⁰ Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. – М., 2009.

³¹ Сабенникова И.В. Земско-городской комитет помощи русским беженцам за границей // Зарубежная Россия 1917-1939. – СПб., 2000. – С. 7–10; Она же. Российская эмиграция. 1917-1939: сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2002; Она же. Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе, 1926–1951 гг. // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг. Сб. статей. – М., 2007. – С. 5–13; Она же. Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 58–80 и др.

³² Бочарова З.С. Нансеновский паспорт: история учреждения Лигой Наций // Зарубежная Россия. – СПб., 2003; Она же. Н.И.Астров и Верховный комиссариат по делам русских беженцев Лиги Наций // Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Мат. межд. конф. – М., 2004; Она же. «...не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-1930-е годы. – СПб., 2005; Она же. Реализация советской политики по репатриации российских граждан в 1920-е гг. // Нансеновские чтения-2008. – СПб., 2009. – С. 234–255 и др.

ских объединений и политических организаций, боровшихся за лидерство в эмиграции³³. Среди особенностей «региональных военных диаспор», отдаленных от основных центров российской эмиграции (включая Латинскую Америку), специалисты называют их «устойчивость, сохранение самобытности при мягкой интеграции в структуры местных обществ»³⁴.

Научное значение имеют специальные труды О.В. Ратушняка, А.Л. Худобородова, Д.Д. Пеньковского, О.О. Антропова по истории казачества в эмиграции, которое расселялось преимущественно там, где была возможность заняться земледелием, а компактное проживание способствовало сохранению казачьих традиций и принципов жизнеустройства³⁵.

В работах Д.Д. Пеньковского получили более подробное освещение проблемы расселения и трудности социально-экономической адаптации казачества в странах Южной Америки, поиски им собственного места в эмигрантском сообществе. Автором раскрывается роль казачьих союзов и объединений в процессах адаптации³⁶.

История русских дипломатических представительств в эмиграции в конце 1917 – первой половине 1920-х гг., оказывавших правовую и материальную помощь в деле обустройства эмигрантов в странах рассеяния, рассмотрена в трудах О.В. Будницкого, Е.М. Мироновой, М.М. Кононовой и др.³⁷

В современной историографии в трудах В.Н. Земскова, П.М. Поляна, А.Ф. Жукова, Л.Н. Жуковой, В.И. Голдина, О.Б. Гончаренко и других получили освещение позиция русской диаспоры в годы Второй мировой войны, проблемы послевоенной репатриации и формирования «второй» волны эмиграции³⁸.

В связи с региональным аспектом изучаемой проблемы автор диссертации обратился к общим трудам по истории стран Латинской Америки в первой половине XX в.

³³ Российская военная эмиграция в 1920–30-е годы / *Бегидов А.М., Еришов В.Ф., Парфенова Е.Б., Пивовар Е.И.* – Нальчик, 1998; *Еришов В.Ф.* Российская военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. (организации, идеология, экстремизм). – М., 2000; *Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф.* Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. – М., 2000; *Голдин В.И.* Армия в изгнании. Очерки истории Русского Обще-Воинского Союза. – Архангельск, 2002; *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. – М., 2002; *Ожороков А.В.* Русские добровольцы. – М., 2004 и др.

³⁴ *Еришов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. (организации, идеология, экстремизм). – М., 2000. – С. 139.

³⁵ *Ратушняк О.В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1937 гг.). Учеб. пособие. – Краснодар, 1997; *Худобородов А.Л.* Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции. Учебное пособие к спецкурсу. – Челябинск, 1997; *Антропов О.О.* Астраханское казачество в составе белых войск из России (1920–1930 гг.). – М., 2005; *Он же.* Эмиграция казачества из европейской и азиатской части России и ее последствия. 1920–1945 гг. – М., 2006; *Он же.* Казачество: исход и возрождение (1920–2010 гг.). – М., 2011.

³⁷ *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. – 2000. – № 1. – С. 134–166; *Он же.* Милоков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат. Мат. межд. конференция. – М., 2000. – С. 358–384; *Он же.* Деньги русской эмиграции: калачовское золото: 1918–1957. – М., 2008; *Миронова Е.М.* Дипломатическая система Русского Зарубежья и проблема выживания эмигрантских колоний // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. – С. 123–137; *Она же.* Дипломаты Русского Зарубежья в борьбе за обеспечение правового положения беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Сб. науч. тр. – СПб., 2006. – С. 25–43; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). – М., 2004 и др.

³⁸ *Земсков В.И.* Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С. 3–23; *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* История и судьбы русской эмиграции. 1939–1950-е годы. – СПб., 1998; *Поляна П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001; *Между Россией и Сталиным.* Российская эмиграция и вторая мировая война. – М., 2004; *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. – Архангельск-Мурманск, 2005; *Гончаренко О.Б.* Белоземляники между звездой и свастикой. – М., 2005 и др.

Особую помощь в этой связи оказали работы Е.А. Ларина, Н.Н. Марчука, А.И. Строганова и др.³⁹ В них, в частности, проанализирована модель социального правового государства, действовавшая в странах Латинской Америки в 1930-1960-е гг. Принципиальное значение для изучения иммиграционного законодательства латиноамериканских стран, имели также исследования специалистов в области государства и права⁴⁰. Очевидно, что социально-правовое положение, сложившееся в странах Латинской Америки, во многом определяло характер адаптации русской эмиграции в рассматриваемый период.

На новом историографическом этапе складывается проблемно-тематическая структура отечественного знания о российском зарубежье, среди характерных черт которой был рост интереса к так называемой «периферии» – к балканским странам, «восточной ветви» эмиграции, к которым добавились Австралия, Южная Америка, Африка⁴¹. В результате история послереволюционной эмиграции в странах Латинской Америки впервые выделилась в самостоятельное научное направление.

Важный вклад в разработку данной проблемы внес известный специалист в области российско/советско-латиноамериканских отношений А. И. Сизоненко, в трудах которого (в том числе благодаря личным контактам ученого с представителями русской диаспоры) впервые были раскрыты многие ранее неизвестные страницы из жизни русской эмиграции в Латинской Америке, связанные с особенностями ее адаптации, политической жизни и сохранения национальной идентичности. Автором дан анализ состояния современной русской диаспоры на континенте⁴².

В обобщающем очерке по истории Русского зарубежья латиноамериканских стран, подготовленном учеными Института Латинской Америки РАН (в их числе А.И. Сизоненко, Б.Ф. Мартынов, Т.Л. Владимирская, Е.Н. Дик) среди характерных черт русской послереволюционной эмиграции были названы: разобщенность русской колонии, деление ее на «советскую» и «белую»; неустойчивость русского языка, в частности, в связи с неразвитостью торговых связей с СССР в межвоенный период, а также изоляция от Родины и как следствие – быстрая ассимиляция русских иммигрантов во втором и третьем поколениях⁴³.

В трудах Б. Ф. Мартынова предметом специального исследования стала история «Русского Парагвая». Автором изучены судьба генерала И.Т. Беляева, его роль в создании здесь гомогенного русского очага с культивированием в нем «исконно русских» ценностей. Кроме того, он рассмотрел вклад русских военных в победу Парагвая в годы

³⁹ Ларин Е.А. Всеобщая история: латиноамериканская цивилизация. – М., 2007; Марчук Н.Н., Ларин Е.А., Мамонтов С.П. История и культура Латинской Америки: от доколумбовых цивилизаций до начала XX века: Учебное пособие. – М., 2005; Строганов А.И. История Латинской Америки в XX веке. – М., 2002 и др.

⁴⁰ Жидков О.А. История государства и права стран Латинской Америки // В кн.: Жидков О.А. Избранные труды. – М., 2006. – С.144–293; Государственно-правовые проблемы стран Латинской Америки / Под ред. О.А. Жидкова. – М., 1988 и др.

⁴¹ Белецкий И.Л. Русское зарубежье крупным планом: «большие» публикации, фундаментальные исследования и справочные издания последних лет // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). – М., 2004. – С. 7–28.

⁴² Сизоненко А. И. Русские открывают Латинскую Америку. – М., 1992; *Он же*. По страницам газеты русских монархистов // Латинская Америка. – 1995. – № 9. – С. 65–68; *Он же*. Русская диаспора в Латинской Америке: проблемы сохранения национальной самобытности // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX – XX веках. Сб. ст. – М., 2006. – С. 146–151; *Он же*. Русская эмиграция в Аргентине // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов: Доклады и выступления ученых РУДН на X Всемирном конгрессе латиноамериканистов 26-29 июня 2001 г. – М., 2002. – С.150–161; Сизоненко А.И., Панков Н.А. Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002; *Он же*. Дипломатические портреты (о российских и советских дипломатах в Латинской Америке). – М., 2007 и др.

⁴³ Русское зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993.

его войны с Боливией в 1932–1935 гг., а в мирное время – в развитие теоретической и прикладной науки, образования, экономики⁴⁴.

Работы Б.Ф. Мартынова написаны на основе документов личного происхождения, архивных рукописей, записей личных бесед и встреч с эмигрантами и их потомками в странах Латинской Америки, что позволяет рассматривать их одновременно и как вторичный исторический источник.

Особый интерес представляет книга С.Ю. Нечаева «Русские в Латинской Америке», вышедшая в серии «Русские за границей». Она содержит биографические сведения о наиболее заметных (при этом мало известных широкому кругу читателей) представителях военной эмиграции (генералы Н.Ф. Эрн, А.П. Балк, Е.А. фон Шварц и др.), деятелях русской культуры⁴⁵.

На современном этапе продолжилось изучение истории дореволюционной (прежде всего трудовой) эмиграции из России в Мексике и Аргентине в трудах Е.Н. Дика, Э.Г. Путятовой⁴⁶. В центре внимания современных исследователей-латиноамериканистов находится также деятельность революционной эмиграции на континенте⁴⁷. Благодаря привлечению новых архивных документов в трудах Санкт-петербургских ученых Л.С. Хейфеца и В.Л. Хейфеца получила отражение политика Коминтерна по проникновению в Латинскую Америку и связанная с ней деятельность представителей русской революционной эмиграции на континенте⁴⁸.

До последнего времени мало исследованной остается история «второй» (послевоенной) волны русской эмиграции в Латинской Америке. Судьба ее прямо или опосредованно прослеживается прежде всего через эмигрантскую публицистику⁴⁹.

Единственная специальная работа в отечественной историографии, посвященная истории становления русской колонии в Венесуэле в послевоенный период, при-

⁴⁴ Мартынов Б.Ф. Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве. – М., 1993; *Он же*. Парагвайские встречи // Латинская Америка. – 1995. – № 9. – С. 53–59; *Он же*. Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М., 2006 и др.

⁴⁵ Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. – М., 2010.

⁴⁶ Дик Е.Н. Иммиграционный аспект российско-латиноамериканских отношений // Латинская Америка. – 1994. – № 11. – С. 95–97; *Он же*. У истоков российской эмиграции в Мексике: 1906–1926 годы (По мексиканским источникам) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М., 1997. – С. 130–134; Путятова Э.Г. Россия и Южная Америка: трудовая эмиграция и дипломатические отношения в конце XIX – начале XX вв. – СПб., 2006; *Она же*. Российские иммигранты в Южной Америке: проблема социокультурной адаптации (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 2. – Вып. 1. и др.

⁴⁷ Ортис Р. Красные заговорщики: подрывная деятельность в Мексике в 20-е годы XX века // Латиноамериканский исторический альманах. – 2005. – № 6. – С. 67–84; Анна Рибера Карбо. Сеия Флешин: русский анархист, мексиканский фотограф // Латинская Америка. – 2006. – № 4. – С. 79–87.

⁴⁸ Хейфец Л.С. Коминтерн в Латинской Америке. Формирование и эволюция органов революционных связей III Интернационала и его национальных секций (от зарождения коммунистического движения до создания Южноамериканского секретариата ИККИ) . – СПб., 2004; Хейфец В.Л. Американская и российская радикальная эмиграция в Мексике в 1920-е гг. // Актуальные проблемы американистики. – Нижний Новгород, 2003. – С. 131–137; *Он же*. Российская эмиграция как фактор развития левого движения Мексики // Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн.2. – СПб., 2003. – С. 94–101 и др.

⁴⁹ Врангелевцы в Бразилии. – Сан-Пауло, 1958; Леонтий (Филиппович), архиепископ. Церковная жизнь в Венесуэле // Епархиальный вестник Венесуэльской епархии. – 1959. – № 5. – октябрь–ноябрь; Российские офицеры // Труд Южно-Американского отдела Института по исследованиям проблем войны и мира им. Н. Н. Головина. – Буэнос-Айрес, 1959; Поремский В. Д. Политическая миссия российской эмиграции. – Мюнхен, 1954; Константинов Л., протоиерей. Мюнхенский Институт. Из истории второй российской политической эмиграции // Трибуна русской мысли. – М. – 2002. – № 4. – С. 133–144 и др.

надлежит Э.Л. Нитобургу⁵⁰. Общая история репатриации и международного урегулирования положения перемещенных лиц частично была затронута в трудах В.Н. Земскова, П.М. Поляна. В их работах, на основе данных Управления по репатриации и Международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц (ИРО), впервые приведены статистические сведения о численности послевоенной эмиграции в Латинской Америке, в том числе по отдельным странам⁵¹.

В работах А.А. Хисамудинова, С.В. Волкова, П.Н. Базанова, А.В. Антошина получили освещение отдельные аспекты институционализации «второй» волны эмиграции в латиноамериканских странах, ее участия в политических процессах периода «холодной войны», в том числе через издательскую деятельность⁵².

Солидная информационная база по истории русского воинства эпохи Гражданской войны и периода эмиграции в разных странах мира собрана в справочно-биографических изданиях⁵³. Результаты поисков по формированию картотеки некрополя русского рассеяния в Аргентине, Бразилии, Парагвае нашли отражение в сборниках «Михайлов день. Журнал исторической России», которые выходят с 2005 г.⁵⁴

Латиноамериканская ветвь Русского зарубежья в XX в. представлена также в научных публикациях по истории русской диаспоры в отдельных странах региона. В статьях и книгах анализируются причины эмиграции, география расселения, особенности адаптации и характер интеграции русскоязычного населения в странах проживания⁵⁵. В этом контексте изучаются жизнь и судьба русских военных, ученых, пред-

⁵⁰ Нитобург Э.Л. Об истоках русской колонии в Венесуэле // Новая и новейшая история. – 1999. – № 2–3. – С. 90–94.

⁵¹ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 гг. // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 26–41; Он же. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба // Социс. – 1995. – № 5. – С. 3–12; Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М., 2002. – С. 217, 232.

⁵² Хисамудинов А.А. По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. Ч. 2. – Владивосток, 2000; Волков С. В. Русская военная эмиграция. Издательская деятельность. – М., 2008; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2008; Антошин А.В. Российские монархисты – легитимисты в эмиграции в Бразилии после Второй мировой войны // Восьмые Романовские чтения. Тезисы регион. конф. – Екатеринбург, 2004. – С. 100–104; Он же. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). – Екатеринбург, 2008 и др.

⁵³ Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. – М., 2002; Он же. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. – М., 2004; Он же. Офицеры армейской кавалерии. Биографический справочник. – М., 2009; Окоороков А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945). – М., 2000; Он же. Русская эмиграция: политические, военно-политические и военные организации. – М., 2003; Чичерокин-Мейнгардт В.Г. Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны. – М., 2008 и др.

⁵⁴ Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005; Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб., 2010.

⁵⁵ Боровков А.Н. Русская колония в Мексике // Латинская Америка. – 1987. – № 9. – С. 114–119; Шейнбаум Л. С. Русские в Аргентине (Из истории российской эмиграции) // Латинская Америка. – 1993. – № 5. – С. 113–120; Мартынов Б.Ф. Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 1995. – № 11. – С. 78–84; Владимирская Т.Л. Русские мигранты в Парагвае // Вопросы истории. – 1995. – № 11–12. – С. 158–160; Она же. Проблемы адаптации российских эмигрантов в странах Латинской Америки // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX – XX вв. – М., 1996. – С. 152–162; Нечаева Т.Ю. Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке // Латинская Америка. – 1996. – № 12. – С. 64–71; Российский М.А. Русское зарубежье на Кубе: Страницы истории – М., 2002; Хисамудинов А.А. Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 86–100; Коваль О.В. Формирование политических центров белорусской диаспоры в межвоенный период // История народов России. Мат-лы XV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 19–20 мая 2011 г. – М., 2011. – С. 195–201; Moiseev A. Egorova O. Los rusos en Cuba. Cronicos historicas: juicios y testimonios. – La Habana. 2010; Del proyecto «El escultor ruso Erzia y la Argentina». Articulos de los autores latinoamericanos sobre el escultor ruso. Yuri Papov. El Gran Erzia: Reconocimiento y tragedia. Novela literaria y documental. – М., 2010 и др.

принимателей, которые внесли важный вклад в экономику и культуру латиноамериканских стран.

В 2000-е гг. отдельные аспекты темы истории российской эмиграции в 1920-1960-е гг. в Латинской Америке получили отражение в диссертационных исследованиях М.А. Российского, А.Г. Бутузова, К.Х. Альварес, С.В. Подреза, О.В. Баландиной⁵⁶.

В последние годы начала складываться собственно эмигрантская историография изучаемой проблемы.

Длительное время занимался исследованиями судеб русской эмиграции в Парагвае И.А. Флейшер-Шевелев – потомок белоэмигрантов, Почетный консул России в Парагвае, автор книги «Русские в Парагвае»⁵⁷.

Событием в научной жизни стал выход в свет в 2009 г. тематических сборников «Русские в Уругвае: история и современность» и «Русские в Мексике», которые являются результатом сотрудничества отечественных латиноамериканистов с представителями русской диаспоры в этих странах⁵⁸. В книгах приводятся воспоминания и значительное число редких фотодокументов.

Истории русской диаспоры в Чили, ее вкладу в экономическое, научное и культурное развитие этой страны посвящена монография чилийских историков О. Ульяновой и К. Норамбуэны «Русские в Чили», написанная на солидной источниковой базе⁵⁹. В ряду эмигрантских изданий следует выделить также публикации проживающих в Аргентине И. Н. Андрушкевича, М. А. Кублицкой по отдельным аспектам политической истории и культурной жизни белой эмиграции и перемещенных лиц в этой стране⁶⁰.

В западной историографии история российской эмиграции в Латинской Америке рассматривается в связи с изучением общих иммиграционных процессов в регионе; основное внимание в ней уделяется анализу отдельных национальных потоков, прежде всего еврейской, польской, немецкой эмиграции из России, главным образом в дореволюционный и межвоенный периоды, раскрываются причины миграции в разные исторические периоды, особенности адаптации и характер взаимодействия национальных колоний с коренным населением⁶¹.

⁵⁶ Российский М.А. Куба и русское зарубежье: из истории культурных связей в первой половине XX века: Дис. ...к. ист. наук. – М., 2002; Бутузов А.Г. География русской диаспоры в XX веке: региональный аспект: Дис. ...к. геогр. наук. – М., 2002; Подрез С.В. Генезис и проблемы современного положения российской диаспоры в Латинской Америке: Дис. ...к. ист. наук. – М., 2005; Альварес К.Х. Интеграция русскоязычных иммигрантов в аргентинское общество: национальные особенности и глобальные тенденции: Дис. ...к. полит. наук. – СПб., 2005; Шабельцев С.В. Украинцы и белорусы в Аргентине: общественно-политическая деятельность и связи с родиной (1945-1991): Автореф. ...дис. к. ист. наук. – Минск, 2005; Баландина О.В. Российская эмиграция в Северной Америке в XX веке: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. – М., 2011.

⁵⁷ Шевелев И.А. Русские в Парагвае. – Асунсьон, 2002 / Испан. яз.

⁵⁸ Русские в Уругвае: история и современность. – Монтевидео, 2009; Русские в Мексике. – М., 2009.

⁵⁹ Ульянова О. и Норамбуэна К. Русские в Чили. – Santiago, 2009.

⁶⁰ Андрушкевич И.Н. Полковник Николай Александрович Андрушкевич // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 141–148; Он же. Русская Белая эмиграция. (Историческая справка) [Электронный ресурс] // <http://ticoloc.org/history/te/30/> (интернет-портал "Россия в красках"); Кублицкая М.А. Русские войны в Аргентине. Часть I. Кадеты. – Буэнос-Айрес, 2004; Она же. Русские могилы в Аргентине. Никифор Аввакумович Чоловский // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 184–198; Она же. Русские могилы на Британском кладбище в Буэнос-Айресе, Аргентина // Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб., 2010. – С. 282–317; Она же. Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине [Электронный ресурс] // <http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv> (сайт «Эмигрантика.ru. Русское зарубежье»).

⁶¹ Villa Villar. Los Rusos en America.- Sevilla, 1966; Graefe I.B. Zur Volkskunde der RusBlanddeutschen in Argentinien. - Wien, 1971; Graefe I. B. Cultural changes among Germans from Russia in Argentina. - New York, 1978;

Таким образом, несмотря на имеющуюся историографическую базу и разработку новых подходов в освещении темы, специального комплексного исследования, предметом которого являлся бы история русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. как феномена Русского зарубежья данного периода, факторы и характерные особенности ее адаптации, до настоящего времени не проводилось. Данная проблема требует целостного и системного исследования.

Источниковая база исследования, которая включает в себя разнообразный круг опубликованных и неопубликованных источников, рассмотрена в *третьей главе* I раздела.

В диссертации использованы материалы из 60 фондов российских центральных архивов - Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ); Архива внешней политики Российской Федерации (АВВРФ); Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ); Российского государственного военного архива (РГВА); Архива Академии наук РФ (Санкт-Петербургское отделение); Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Библиотеки-фонда (архива) Дома «Русское зарубежье» им.А.И. Солженицына, Рукописного фонда Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ РАН), документального фонда Центрального музея Вооруженных Сил РФ (ЦМВС), а также Русского архива Университета г. Лиде (Великобритания).

Исследование опирается на информацию пяти видов источников.

Первую группу источников составляют законодательные документы. Особую ценность для объективного анализа изучаемой проблемы имели основные нормативно-правовые акты латиноамериканских стран-реципиентов русской эмиграции в 1920–1960-е гг.: Конституции, иммиграционное законодательство, законы о правилах въезда иностранцев на национальную территорию для поселения, законы о натурализации, гражданский кодекс в части гражданских прав прибывающих на территорию страны иностранцев и др. Все эти документы были извлечены автором главным образом из архивных фондов, где хранятся на испанском и португальском языках, частично в переводе на русский язык или в изложении из вторичных источников⁶².

К группе законодательных источников относятся также опубликованные документы, содержащие нормативно-правовые акты правительства Российской империи и СССР в отношении лиц, пребывавших за границей, законы об амнистии и предоставлении советского гражданства, указы и распоряжения Совмина СССР, регулировавшие вопросы репатриации советских граждан⁶³.

Часть нормативных актов, регулировавших правовое положение эмигрантов, опубликована в тематических сборниках, часть представлена в периодических изданиях, включая документы, регламентировавшие иммиграционную систему в странах-реципиентах и серию официальных разъяснений к ним⁶⁴.

Kopp T. Wolgadeutsche Siedeln in Argentinischen zwischenstromland. - Marburg, 1979; Haim A. Argentina y la historia de la inmigracion judia (1810-1950). - Jerusalem, 1983; La historia de los judios del Uruguay. - Montevideo, 1986; Graniowski K. The Main Stages in the History of Polish Immigrants in South America // Polish Western Affairs. - Poznan. - 1976. - № 2; Paradowska M. Polacy w Ameryce Poludnowey. - Wroclaw, 1977; Historia de las mujeres en Espana y America Latina. T.3 (del siglo XIX a los umbrales del XX). - Madrid, 2007.

⁶² РГВА. Ф. 501. Оп. 3. Д. 304/1. Л. 20. (пер. с исп. яз.); НИОР РГБ. Ф. 587. Картон № 1. Д. 36. (пер. с исп. яз.).
⁶³ Собрание узаконений и распоряжений (с 1925 г. - Собрание Законов) Российской законодательство X - XX вв.: в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. - М., 1988. Т. 6-7 и др.

⁶⁴ Мексиканские Соединенные Штаты (Конституция и законодательные акты) / Отв. ред. О. М. Жидков. - М., 1986; Конституции государств Америки. В 3-х т. / Под ред. д.ю.н., проф. Т.Я. Хабриевой. Т. 3. - М., 2006; Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е годы): Сб. док-ов и мат-ов / Сост., публикация, введение, примеч. З.С. Бочарова. - М., 2004; «Русский

Вторая группа источников представлена делопроизводственными документами международных, государственных учреждений, религиозных и общественных организаций, а также внутри - и межведомственной деловой перепиской. Прежде всего, речь идет о делопроизводственной документации и статистических данных Международного бюро труда (МБТ), Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике - Пражский Земгор (ГА РФ, ф. 5764), Российского Обще-Воинского Союза (ГА РФ, ф. 5826, ф. 7518), Синода Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), (ГА РФ, ф. 6343). Информативны материалы служебной переписки российской дипломатической миссии в Швейцарии (ГА РФ, ф. 5760) с Ф. Нансенем, с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, российским консулом в Женеве Л.Н. Горностаевым, уполномоченными Российского общества Красного Креста Н.А. Касьяновым и Ю.И. Лодыженским об условиях выезда в Аргентину и другие страны Латинской Америки, о состоянии дел с выдачей паспортов и виз лицам, выезжавшим за океан.

В материалах фондов Совета по расселению русских беженцев в Константинополе (ГА РФ, ф. 6425), Особого совещания по оказанию помощи чинам флота и их семьям (ГА РФ, ф. 5916), Земгора (ГА РФ, ф. 5767), пражского Земгора (ГА РФ, ф. 5764), Русского попечительского комитета об эмигрантах в Польше (ГА РФ, ф. 5814), Социально-сберегательной кассы славянской взаимопомощи (Прага) (ГА РФ, ф. 5791) содержится служебная переписка с Международным бюро труда о переселении в Южную Америку. Информационные, статистические данные о численности и расселении русских белых эмигрантов в Южной Америке, сводки о переселении казаков, об урегулировании правового положения российских беженцев на разных уровнях и другие содержат, кроме перечисленных, фонды Канцелярии МИД при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России (ГА РФ, ф. 5680), Казачьего союза в Париже (ГА РФ, ф. 6679), Канцелярии донского атамана (ГА РФ, ф. 6461), Представительства донских казаков в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (ГА РФ, ф. 9025) и др.

Среди документов Российского государственного военного архива - бывшего Особого архива, образовавшегося из трофейных материалов после Второй мировой войны, в фондах Управления государственной тайной полиции Германии (РГВА, ф. 501к) и Главного управления Государственной безопасности Германии за 1922-1945 гг. (РГВА, ф. 500к) содержатся переписка указанных ведомств с германскими дипломатическими миссиями в Чили, Боливии, Уругвае, Парагвае; секретные сообщения информационного агентства «Аусландсдинст» о прокоммунистических настроениях эмиграции и методах борьбы с ними в странах Латинской Америки.

Научный интерес представляют делопроизводственные документы международных организаций, советских государственных учреждений, их внутри и межведомственная переписка, отложившиеся в фонде Управления уполномоченного Совнаркома СССР - Совета министров СССР по делам репатриации (ГА РФ, ф. 9526). В их числе: отчеты, протоколы заседаний комитетов ООН, в частности, Комитета по делам беженцев и перемещенных лиц (ЮНХРР), Специального комитета по беженцам и перемещенным лицам и др. В них нашла отражение позиция латиноамериканских государств по проблемам беженцев и перемещенных лиц, условиям расселения «бесподанных и бездомных беженцев» в соответствии с принципами иммиграционной политики этих стран. В указанном фонде содержится переписка соответствующих отделов

МИД СССР с советскими посольствами в Аргентине и Бразилии о процессе репатриации советских граждан на родину; письма о розыске родственников, оказавшихся в Латинской Америке.

Делопроизводственные источники включены также в тематические сборники документов, отражающие деятельность военных и политических организаций русской эмиграции в 1920–1940 гг.⁶⁵

Для исследования адаптации русских иммигрантов, выявления ее основных направлений и особенностей особое значение имели материалы статистики иммиграционных процессов⁶⁶. В фондах Консульского отдела посольства СССР в Аргентине (АВПРФ, ф. 158), референтуры по Аргентине (АВПРФ, ф. 70), референтуры по Бразилии (АВПРФ, ф. 070) среди делопроизводственных документов выявлены докладные записки, донесения, ежегодные и ежеквартальные (начиная с 1947 г.) отчеты и дневники посольских работников. Эта документация содержит ценную информацию о количестве перемещенных лиц, их национальности, половозрастном составе, которые собирались из различных источников, включая белоэмигрантскую печать, латиноамериканскую прессу, свидетельства эмигрантов.

Третью группу источников составляют публицистические материалы разных форм (книги, брошюры, газетные и журнальные статьи и т.п.). Публицистика с элементами личных впечатлений представлена трудами русских эмигрантов, в том числе протопресвитера К.Г. Изразцова, П. Королевича, К.К. Парчевского, М.Д. Каратеева, В.Д. Поремского, Ю.И. Лодыженского и др.⁶⁷ К числу такого рода источников относится цикл современных очерков «Русское рассеяние. Аргентина» Е. Лушева, «Волшебный круг: русские в Венесуэле: повествования» Н.В. Денисова о современной жизни русских эмигрантских колоний в Латинской Америке⁶⁸.

Ценным источником для изучения общественно-политической и культурной жизни русской эмиграции, проблем ее социально-экономической и правовой адаптации, а также различных аспектов повседневности русской диаспоры за рубежом является информация, размещенная на страницах эмигрантской периодической печати.

Комплекс выявленных автором диссертации периодических изданий русской иммиграции в латиноамериканских странах (главным образом, Аргентины, Бразилии, Уругвая) в 1920–1960-е гг. можно систематизировать по их социально-политической

⁶⁵ Всероссийская фашистская организация. Бразильский сектор. 1-е публичное заседание русских фашистов. - Сан-Пауло, 1934; Российское военно-национальное освободительное движение им. генералиссимуса А.В. Суворова (на правах рукописи). - Буэнос-Айрес, 1952; Латинская Америка и Коминтерн / Составители: С.П. Пожарская, А.И. Саплин. - М., 1998; Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы: Учебное пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. - М., 1999; Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1-4. - М., 1999-2010 и др.

⁶⁶ Оболонский В.В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. - М., 1928; Статистический справочник СССР за 1928 г. - М., 1929; La Inmigracion en la republica Argentina y la situacion social. - Buenos-Aires, 1924; Inmigracion y desarrollo economico. - Buenos-Aires, 1961 и др.

⁶⁷ Изразцов К.Г., протоиерей. Православная церковь в Буэнос-Айресе при Императорской российской миссии в Южной Америке. - СПб., 1904; *Он же*. Состояние Православной церкви в Южной Америке. Доклад протопресвитера Константина Изразцова Русскому Заграничному Синоду. - Владимирowo, 1929; Королевич П. История переселения казаков в Республику Перу. - Новый Сад, 1930; Парчевский К. В Парагвай и Аргентину: Очерки по истории Южной Америки. - Париж, 1936; Каратеев М.Д. По следам конкистадоров: история группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. - М., 1991; Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. Избранные статьи. 1937-1997. - М., 1998; Волков Г.Г. Полвека русской колонии в Венесуэле // Латинская Америка. - 1997. - № 11. - С. 84-87; Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. - М., 2007; Никитенко С. Рай-Страна. - М., 2008 и др.

⁶⁸ Лушев Е. Русское рассеяние. Аргентинские очерки. - Калининград, 2007; Денисов Н.В. Волшебный круг: русские в Венесуэле: повествования. - Шадринск, 2010.

направленности: коммунистические и анархо-синдикалистские («Анархия», Буэнос-Айрес; «Голос труда», Буэнос-Айрес и др.); монархические («Наша страна», Буэнос-Айрес); профашистские («Вестник», Буэнос-Айрес; «Русская газета», Сан-Пауло; «Призыв», Сан-Пауло и др.).

Свои печатные издания имели кадеты, корпусники, участники власовского движения, члены Суворовского союза («Кадетская переключка», Буэнос-Айрес; «Родина»). Ежемесячник власовцев в Аргентине, Буэнос-Айрес; «Суворовец». Орган Российского военно-национального движения им. Фельдмаршала А.В. Суворова и др.). Весьма ценная информация по проблемам правового и социального положения русской эмиграции в странах Латинской Америки была извлечена из общеэмигрантских периодических изданий, выходивших в Париже и Берлине, в частности, «Парагвай», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Последние новости», «Руль», «Часовой» за 1922–1940 гг., Бюллетени Земгора за 1920-е гг.

Уникальные публицистические материалы представлены в личном фонде русского эмигранта из Аргентины А.И. Калугина (БФ РЗ, ф.-3/М-102). Это - 15 альбомов, получивших известность в среде исследователей эмиграции, с тысячами вырезок из газет и журналов Русского зарубежья с информацией о судьбе нансеновских эмигрантов в Латинской Америке. Тематически они объединены по следующим разделам: «Вторая Великая война», «Некрологи», «Возвращенцы и невозвращенцы» и др.

Информация о возможностях и условиях эмиграции в Латинской Америке извлекалась из информационных изданий и справочно-информационных сборников, подготовленных представителями Лиги Наций, Совета по расселению русских беженцев, членами колонизационных обществ, частными лицами⁶⁹. Сведения об экономическом положении эмигрантов в Бразилии и Аргентине содержат также различного рода «Календари»⁷⁰.

Четвертую группу источников образовали воспоминания и мемуары, как опубликованные, так и неопубликованные. Они включают в себя записки, воспоминания эмигрантов, оказавшихся в Латинской Америке или имевших информацию по странам латиноамериканского рассеяния⁷¹, советских дипломатов и реэмигрантов⁷².

⁶⁹ *Мальцев А.П.* Братский ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границей: справочная книжка с календарем на 1906 год. – Пг., 1906; *Тизенко П.Д.* Эмиграционный вопрос в России, 1820-1910. – Либав, 1909; Совет по расселению русских беженцев. Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). – Константинополь, 1921; Материалы по вопросу об эмиграции в Бразилии. – Париж, 1921; *Брунст Р.* Аргентина и Бразилия как страны эмиграции. – Прага, 1925; Буэнос-Айрес-Асуэнсьон. – Буэнос-Айрес, 1935; Переселение Ди-Пи (Что надо знать каждому Ди-Пи). – Мюнхен, 1948 и др.

⁷⁰ Русский настольный календарь на 1931 год. – Сан-Пауло, 1931; Календарь газеты «Русский в Аргентине». – Буэнос-Айрес, 1936.

⁷¹ *Басанин М.* Записки эмигранта в Южной Америке. – СПб., 1902; Воспоминания потемкинцев // Каторга и ссылка. – 1927. – № 8 (37). – С. 149–151; *Краснов Н.Н.* (мл.). Незабываемое, 1945–1956. – Сан-Франциско, 1957; *Ордовский-Танаевский И.А.* Жизнеописание мое. Воспоминания. – Сагасас.-М.- СПб., 1993; *Протоиерей Д.Константинов.* Через туннель XX - го столетия. – М., 1997; *Он же.* «Вторая волна» – воспоминания и раздумья о российской эмиграции // В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции. Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. I. Сб. ст. – М., 1997. – С. 57–85; Русская армия в изгнании. Т. XIII. /Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волков. [Книги мемуарной серии «Белое движение»]. – М., 2003; Россия и Бразилия: 200 лет знакомства. Свидетельства русских путешественников, ученых, дипломатов, артистов и литераторов. – М., 2004; *Папорова Ю.Н.* Великий Эрзя. Признание и трагедия. Литературно-документальная повесть. – М., 2006; *Беляев И.* Записки русского изгнанника. – СПб., 2009; *Сергеев М.Г.* Воспоминания первого советского посла в Аргентине. Приложение //Россия, СССР-Аргентина: 100 лет отношений: Сб. ст. – М., 1985. – С. 173–187 и др.

⁷² *Бойко П.Н.* Семнадцать лет в Аргентине // Славяне. –1954. –№ 4. – С. 43–51; *Шостаковский П.* Путь к правде. – Минск, 1960; *Кривошеин Н.Г.* Воспоминания // Голос Родины. – 1961. – № 16 (февраль); *Белуха Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата. –1967. – № 9, 10, 12; *Слепухин Ю.* Южный крест. – Л., 1981.

Из неопубликованных мемуаров необходимо выделить воспоминания генерала И.Т. Беляева «Русский Парагвай» (НИОР РГБ, ф. 587), генерала-лейтенанта А.В. фон Шварца «На чужбине» (ГА РФ, ф. 10027), И.Ф. Лихоманова «Мои воспоминания» (БФ РЗ, ф.1. м-237).

В работе использована также хранящаяся в личном архиве семьи Берг в Париже машинописная копия мемуаров эмигрировавшей после революции З.М. Берг (1888–1978, урожд. Худзинской).

Ценность изучения личных воспоминаний заключается в том, что через них можно проследить судьбу отдельного человека за рубежом, кем он был до эмиграции, кем стал вне родины, процесс его физической и духовной адаптации, изменения в социальной психологии, его отношение к родине.

Пятую группу источников составляет частная переписка, которая оставалась важным средством связи, получения необходимых рекомендаций, обмена информацией и т.д.⁷³ Достаточно информативной является переписка, отложившаяся в личных фондах П.А. Гессе (ГА РФ, ф. 6127), К.Н. Гулькевича, (ГА РФ, ф. 6094.), С.В. Маракуева (ГА РФ, ф. 6532), С.Н. Сомова (ГА РФ, ф. 6378), В.В. Добрынина (ГА РФ, ф. 6838), Н.А. Рубакина (НИОР РГБ, ф. 358) по вопросам переселения и обустройства эмигрантов в Латинской Америке, а также переписка князя Н.Л. Оболенского и вел. кн. Николая Николаевича с представителями русской политической эмиграции в странах Латинской Америки за 1924 – 1929 гг. из фонда Общей канцелярии вел. кн. Николая Николаевича (младшего) (БФ РЗ, ф. 1).

В личном фонде писателя М.Д. Каратеева (БФ РЗ, ф. 3/м. № 102) хранится переписка, раскрывающая историю его литературной деятельности и повседневной жизни в Уругвае. В рукописном фонде ИМЛИ РАН представлены материалы личной переписки поэта В.Ф. Перелешина (РФ ИМЛИ РАН, ф. 608.), после войны поселившегося в Бразилии.

Представленный комплекс источников дает возможность реконструировать в основных чертах историю русской эмиграции первой половины XX века в Латинской Америке, глубже понять смысл иммиграционной политики правительств латиноамериканских стран, осветить различные аспекты социально-экономического положения, политической и культурной жизни русской диаспоры в 1920 – 1960-е годы, процессы ее адаптации на различных этапах существования.

Раздел второй «Русская диаспора на латиноамериканском континенте (1920–1945 гг.)» состоит из шести глав.

В *первой главе* изучена роль международных и общеэмигрантских организаций в деле разрешения проблемы русского беженства, которая приобрела организованные формы, прошла в процессе своего разрешения несколько этапов и была связана в том числе с процессом переселения эмигрантов за океан (так называемой «вторичной эмиграцией»).

⁷³ К пребыванию потемкинцев в эмиграции: (документы, письма и записи из тетради А.Н.Матюшенко). Ввод. ст. Г.А. Арутюнова // Исторический архив. – 1955. – № 3. – С. 134. –149; «Россия была мне мачехой...». Письма Бориса Григорьева к Николаю Еленеву. 1926-1932 гг. // Независимая газета.1996, 13 сентября; Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова. /Сост. О. Ф. Кузнецова. – М., 2003; Наша Венесуэла. Из писем Инесс Зариной (Аше). 1957–1959 // Русская Атлантида. – 2007. – № 26. – С. 57-69; «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / Предисл., коммент. Н. Ю. Масоловской // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. – М., 2010. – С. 363–384 и др.

Первый этап начался с 1920-1921 гг. Он совпал с периодом создания и деятельности наряду с Лигой Наций, Международного бюро труда, Земгора, РОКК, новых международных и общеземлянских институциональных структур (в их числе - Верховный комиссариат по делам русских беженцев при Лиге Наций, Совет по расселению русских беженцев, Совет послов и др.). Они специально занимались процессами расселения русских беженцев за океан. В указанный период начался процесс введения нансеновских паспортов (с 1922 г.). Они сыграли важную роль на этапе поиска нового места жительства эмигрантов.

В работе подчеркнуто неоднозначное отношение представителей эмигрантских организаций к проблеме переселения русских беженцев в «экзотические» страны Южной Америки, раскрыт характер обсуждения данного вопроса в кругах эмигрантского сообщества.

Показано, что основными факторами, обусловившими данное направление эмиграционного потока, стали: избыток трудовых ресурсов в странах Европы и отсюда возникшие проблемы нехватки земли и трудоустройства беженцев и переселенцев; спрос на дешевые рабочие руки в странах Латинской Америки, наличие там достаточного количества свободных для заселения земель и их относительно невысокая стоимость, перспектива использования профессионального опыта и знаний русских специалистов для развития национальных экономик стран-реципиентов (прежде всего Аргентины, Бразилии, Уругвая). В работе показано, что латиноамериканские государства принимали преимущественно лиц, желавших поселиться на земле, и выступали решительно против переселения тех, кто намеревался обосноваться в городах⁷⁴.

В работе сделан вывод о том, что *период первой половины 1920-х гг. характеризовался первыми попытками организованного переселения русских беженцев в Бразилию, Аргентину и Парагвай.*

Следующий этап в разрешении проблемы русских беженцев, приобретшей международный масштаб, начинается с 1925 г., когда активизировалось их переселение за океан в поисках занятости. С 1 января 1925 г. трудоустройство эмигрантов передавалось из подчинения Секретариата Лиги Наций в Международное бюро труда во главе с его директором А.Тома, который активно продвигал идею переселения беженцев в Южную Америку. В том же году сюда была направлена специальная миссия Лиги Наций, следствием которой стало создание двух эмигрантских Бюро этой организации в Буэнос-Айресе и Рио-де-Жанейро⁷⁵ и колониальных обществ в Европе по приобретению земель в Латинской Америке и организации на них хозяйств русских эмигрантов⁷⁶.

Данный период совпал также с изменением условий выдачи нансеновских сертификатов и постановкой вопроса о формировании оборотного фонда для содействия переселению в Южную Америку. 12 мая 1926 г. на межправительственной конференции по настоянию латиноамериканских государств была принята новая юридическая формулировка для сертификатов: водился принцип выдачи выездной визы наряду с визой на право обратного въезда в страну, выдавшую сертификат⁷⁷. Завершился рассматриваемый период процессом реорганизации деятельности МБТ, которое прекратило к 1930 г.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 73. Л. 38.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6127. Оп. 1. Д. 8. Л. 26 (об.).

⁷⁶ Бюллетень Российского Земско-Городского Комитета помощи российским гражданам за границей. -1921. -15 марта. - № 2. -С. 24; ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 65. Л. 70.

⁷⁷ Бочарова З.С. Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. - СПб., 2006. - С. 16.

свое участие в устройстве беженцев, а Верховный комиссариат по делам беженцев после смерти Ф. Нансена (май 1930 г.) отошел от идеи переселения в Южную Америку. После этих событий стало заметно сокращаться финансирование процесса переселения на континент, очередная волна которого совпала по времени с разразившимся в начале 1930-х гг. мировым экономическим кризисом, затронувшим, в первую очередь, «бесподанных русских эмигрантов». К 1939 г. переселение за океан практически полностью осуществлялось через частные колонизационные общества и иммиграционных агентов латиноамериканских стран в Европе, а система правовой защиты эмигрантов выстраивалась в соответствии с национальными иммиграционными законодательствами стран-реципиентов.

В главе сделан вывод, что благодаря участию международных и общеземлянских организаций переселение за океан (по сравнению с дореволюционным периодом) приобрело более организованные формы и получило международную правовую и финансовую поддержку. Однако решить полностью на международном уровне проблему финансирования переселения беженцев за океан так и не удалось, вследствие чего русские эмигранты, отправлявшиеся в страны Латинской Америки, часто оставались один на один со своими проблемами в чужой стране.

Во второй главе анализируется правовой статус переселенцев в контексте иммиграционной политики латиноамериканских стран. В диссертации отмечается, что к моменту «русского исхода» в ряде государств Латинской Америки уже была выработана правовая основа иммиграционной политики, направленная прежде всего на содействие земледельческой колонизации. На протяжении 1920-1930-х гг. под влиянием внутренних и международных условий национальное законодательство в этой области постоянно корректировалось, вследствие чего реальное правовое положение русских эмигрантов в различных странах имело свою специфику.

В работе подробно анализируется характер иммиграционного законодательства латиноамериканских стран. Отмечается, что в Чили, Перу, Боливии, Венесуэле были введены ограничения на иммиграцию по национальной принадлежности⁷⁸. В Бразилии существовала двухпроцентная ежегодная квота для мигрантов любой национальности.

После 1922 г. в Аргентине, Бразилии, Парагвае русских эмигрантов принимали с нансеновскими паспортами и уровень натурализации здесь был связан с ценом оседлости (обычно два года). При этом натурализованные иностранцы пользовались всеми гражданскими и политическими правами, могли занимать различные государственные должности, кроме должностей Президента и вице-президента, сенатора и депутата. Прослеживается стремление в русских колониях к натурализации, хотя немало лиц из числа старой эмиграции, надеявшихся на скорое возвращение на Родину, так и не приняли «ино подданства»⁷⁹.

Под влиянием последствий мирового экономического кризиса, а также активизации левых сил, вызванной началом гражданской войны в Испании, в Бразилии, Аргентине, Боливии, Уругвае были введены новые административные ограничения (легального въезда эмигрантов, в праве выбора местожительства и труда, запрет иностранцам на занятие политической деятельностью и др.)⁸⁰. В Боливии декретом от 7 апреля 1937 г. также был введен запрет на всякую деятельность по распространению

⁷⁸ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2002. – С. 83.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

⁸⁰ НИОР РГБ. Ф. 587. Картон № 1. Д. 6. Л. 2-4; АВГРФ. Ф. 070. Оп. 15. Папка № 105. Д. 10. Л. 13.

коммунистических, анархических, большевистских идей, которая характеризовалась как «социал-экстремистская»⁸¹.

Архивные материалы позволили дополнить накопленный в историографии материал о посильной правовой и финансовой помощи прибывавшим на континент эмигрантам со стороны представителей российских дипломатических миссий – в Рио-де-Жанейро (представлявшей Россию также в Парагвае), в Буэнос-Айресе и Мехико, которые продолжали осуществлять некоторые свои функции, несмотря на официальное прекращение полномочий⁸².

В главе сделан вывод, что *послереволюционная волна эмиграции в Латинскую Америку, которая носила «вторичный характер», направлялась в страны с традиционно активной иммиграционной политикой, которая в целом обеспечивала процесс адаптации русской эмиграции.* Вместе с тем, в работе отмечается, что политика латиноамериканских стран в этой области была избирательна и не всегда отвечала интересам прибывавших в страну иностранцев. Положение русских эмигрантов в этом регионе в рассматриваемый период было осложнено отсутствием полноценной правовой и финансовой помощи со стороны дипломатических миссий, деятельность которых официально была приостановлена в начале 1920-х гг. в связи с политическими событиями в России.

В третьей главе анализируются численность, состав, география расселения «первой» волны эмиграции в странах Латинской Америки, раскрываются особенности ее социально-экономической адаптации, осложненные не только незнанием языка и спецификой климатических условий, но и совершенно иным типом повседневной жизни и быта местного населения.

Отмечается, что основными странами расселения белой эмиграции по-прежнему оставались Бразилия, Аргентина, Уругвай. Новым центром размещения эмигрантов из России становится Парагвай. Вместе с тем русские в те годы оказались также в Мексике, Чили, Колумбии, Перу, Панаме, Коста-Рике, Никарагуа⁸³. Общая численность русских эмигрантов «первой» волны в странах Латинской Америки в разные периоды их расселения до сих пор точно не определена. Как справедливо отмечала Г.Я. Тарле, литература на этот счет «крайне скудна, отрывочна и противоречива»⁸⁴. Так, по некоторым данным, в Бразилию по линии Лиги Наций было переправлено около 1800 человек, по другим данным – только в 1922 г. в эту страну переехало около 3 тыс. казаков⁸⁵. В Аргентине к 1937 г. проживали от 1 до 2 тыс. человек. В Парагвае к началу Второй мировой войны насчитывалось не менее 2 тыс. русских эмигрантов⁸⁶, в Уругвае – свыше 500 человек⁸⁷. В Чили по переписи 1930 г. было зафиксировано 1343 выходца из России, и это, по подсчетам чилийских ученых, было максимальное число русских за всю историю страны⁸⁸.

Анализ состава «первой» волны эмиграции за океан показал, что в числе переселенцев преобладали военные, казачество, специалисты в разных отраслях, лица со средним и высшим техническим образованием, а также духовенство, представители

⁸¹ РГВА. Ф. 501. Оп. 3. Д. 304 / 1. Л. 20.

⁸² Сызоненко А. И., Панков П. А. Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002. – С. 19.

⁸³ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 48. Л. 20; БФ РЗ. Ф. 2. Оп. 1. Картон № 6. Д. 37. Л. 5 (об).

⁸⁴ Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Исторические очерки. – М., 2006. – С. 192.

⁸⁵ Военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т.4. – М., 2010. – С. 219.

⁸⁶ Иллюстрированная Россия. – Париж. 1935, 22 июня.

⁸⁷ Поремский В. Д. Стратегия антибольшевизской эмиграции. Избранные статьи. 1934–1997. – М., 1998. – С. 138.

⁸⁸ Ульянова О. и Норманбуэна К. Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 146.

творческих профессий, крестьяне (в том числе старообрядцы). Для новой волны эмиграции была характерна высокая доля трудового самостоятельного населения, в которой преобладали бессемейные мужчины от 20 до 40 лет, т.е. люди самого трудоспособного и активного возраста. Аналогичная ситуация сохранялась и в последующие годы, включая послевоенную волну эмиграции, когда большинство перемещенных лиц, прибывших в латиноамериканские страны, также состояло из мужчин, преимущественно холостых в возрасте 35–40 лет⁸⁹.

Материалы диссертации свидетельствуют о том, что традиционно в своей иммиграционной политике латиноамериканские власти отдавали предпочтение земледельцам, делая ставку на размещение их в сельской местности. Однако профессиональный состав послереволюционной эмиграции предопределял выбор ею места жительства в пользу городов. В Латинской Америке не было такой сильной конкуренции, которая существовала, например, в США и в ряде европейских стран, тем не менее, уровень оплаты труда здесь по сравнению с ними был весьма незначительным⁹⁰. На основе новых материалов показано, что большинство из эмигрантов первое время вынуждены было братья за тяжелый и низкооплачиваемый труд⁹¹. Однако в дальнейшем многие нашли работу либо по специальности либо в области, близкой к профессии, в том числе стали инженерами в казенных и частных учреждениях, иностранных компаниях и на предприятиях⁹². Русские офицеры в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае получили возможность устроиться как специалисты, переводчики, педагоги. В годы боливийско-парагвайской войны 1932–1935 гг. благодаря генералу И.Т. Беляеву более 80 русских офицеров и военных специалистов нашли непосредственное применение своему профессиональному опыту.

В главе проанализирована роль общеэмигрантских организаций (РОКК, Зарубежного союза русских военных инвалидов), Русской православной церкви в оказании помощи малоимущим и нетрудоспособным⁹³. Забота о трудоустройстве эмигрантов и защите их интересов являлась также целью различных профессиональных объединений и корпоративных организаций эмигрантов, таких, как Общество взаимопомощи для инженеров и техников в Аргентине; Русское технико-промышленное общество, Союз дипломированных инженеров – в Бразилии, Союз русских техников (Техническое общество) и Общество взаимопомощи – в Парагвае.

Иной характер имел процесс социально-экономической адаптации у послереволюционных беженцев, проживавших в сельской местности, где трудовая занятость переселенцев была предопределена потребностями экономического развития, в результате на долю иммигрантов приходилось, как правило, наиболее трудные и низкооплачиваемые работы, связанные с освоением отдаленных сельскохозяйственных районов, занятостью на кофейных плантациях и т.д. Местные власти отдавали предпочтение земледельцам и охотно принимали колонизацию «по признаку казачьей самобытности». Преуспевающие казацкие поселения, члены которых стали пионерами в посевах пшеницы, ячменя, гречихи, подсолнухов на своих землях, появились в Парагвае, Уругвае, Аргентине, Перу, Чили⁹⁴.

⁸⁹ АВГРФ. Ф. 070. Оп. 17. Папка № 108. Д. 12. Л. 18.

⁹⁰ БФ РЗ. Ф. 1. М–237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1659.

⁹¹ Календарь «Русский в Аргентине». – Буэнос-Айрес, 1936. – С. 40–46.

⁹² Хисамутдинов А. А. Русские в Бразилии // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 91.

⁹³ Парчевский К. В Парагвай и Аргентину. Очерки по истории Южной Америки. – Париж, 1936. – С. 258.

⁹⁴ Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.). – М., 2006. – С. 218.

В главе сделан вывод, что процесс социально-экономической адаптации русской эмиграции в странах Латинской Америки имел свою специфику в городах и сельской местности. Легче данный процесс протекал в Аргентине, Бразилии, Уругвае, которые вступили в полосу индустриализации и где в условиях развивающейся промышленности российские иммигранты представляли важный источник формирования городского промышленного пролетариата на фоне общего сокращения земледельческой иммиграции. В сложных экономических условиях выживания важную роль в деле социальной адаптации сыграли различные организации эмигрантского сообщества, которые развернули деятельность по оказанию помощи беженцам и одновременно выступившие как структурообразующие механизмы, вокруг которых группировалась неорганизованная беженская масса.

В четвертой главе анализируются процессы политической институционализации русской эмиграции. Отмечается, что с прибытием на латиноамериканский континент представителей белого движения спектр политических интересов в среде российской эмиграции значительно расширился – от социалистических и анархо-синдикалистских настроений до монархических, национал-патриотических и откровенно фашистских. В результате общественно-политическая жизнь в русских колониях приобрела заметную контрастность.

Под влиянием революционных событий в Советской России здесь наблюдалась активизация деятельности леворадикальных эмигрантских течений. В феврале 1918 г. была создана Федерация российских рабочих организаций Южной Америки, которая видела свою задачу во всемерном содействии РСФСР как «авангарду Социальной Революции»⁹⁵. Сам факт создания леворадикальных коммунистических организаций на континенте и установление ими связей с Коминтерном заставлял власти прибегать к жестким мерам контроля и слежки за всеми подозрительными лицами, включая эмигрантов.

К борьбе против коммунистического влияния на континенте подключилась также белая эмиграция. Отмечается, что ее политическая жизнь в странах Латинской Америки была менее активна по сравнению с главными центрами рассеяния. Здесь действовали в основном филиалы и отделения основных политических организаций Русского зарубежья. При этом наибольшую активность среди них проявляли представители зарубежного монархизма, в их числе были четыре подотдела РОВС, к которым примыкали организации Русский сокол, Общество галлиполийцев и др., деятельность которых, как и в США, ограничивалась поддержанием взаимосвязей среди бывших военслужаших, оказанием взаимной помощи, сохранением армейских традиций⁹⁶.

Наряду с леворадикальными и консервативным течениями, в странах Латинской Америки появились и сторонники так называемого третьего пути, в частности, младороссы и представители русского фашизма⁹⁷.

В главе делается вывод о том, что отрыв от родины, языковая изоляция и отсутствие дипломатической поддержки стимулировали объединение российской эмиграции. Наибольшую политическую активность при этом проявляли военные, которые, поддерживая корпоративную общность, устанавливали контакты с эмигрант-

⁹⁵ Лейфец Л. С. Коминтерн в Латинской Америке. Формирование и эволюция организационных связей III Интернационала и его национальных секций (от зарождения коммунистического движения до создания Южноамериканского секретариата ИККИ). – СПб., 2004. – С. 63.

⁹⁶ Голдин В. И. Русское военное зарубежье в XX веке. – Архангельск, 2007. – С. 58.

⁹⁷ Всероссийская Фашистская организация. Бразильский сектор. Первое публичное заседание русских фашистов. Сан-Пауло, 1 апреля 1934. – Сан-Пауло, 1934.

скими организациями и движениями в других странах. Разнообразие политических интересов русской эмиграции в рассматриваемый период оборачивалось острыми конфликтами и не способствовало консолидации русской диаспоры в целом.

В пятой главе рассматривается позиция русской эмиграции в странах Латинской Америки накануне и в годы Второй мировой войны. Отмечается, что политическое размежевание по вопросам фашизма и войны в среде Русского зарубежья оформилось еще задолго до ее начала. После нападения гитлеровской Германии на СССР русская эмиграция встала перед непростым выбором, изменилось поведение и психология Зарубежной России⁹⁸.

В диссертации выявлен и рассмотрен феномен *внутриэмигрантского раскола в годы войны в среде русской диаспоры в латиноамериканских странах, окончательно разделивший эмиграцию на «красных» (совпатриотов) и «непримиримых», «оборонцев» и «поразженцев». В главе делается вывод о том, что новое размежевание не всегда совпадало с традиционным для эмигрантов вектором идеологических разногласий. Значительная часть белых эмигрантов (в их числе «Русский союз» в Парагвае, «Союз русских» и «Национальный союз участников войны» в Чили, «Русский центр» в Рио-де-Жанейро и др.), исходя из политических убеждений, сделала свой нравственный выбор в пользу Германии как «будущего спасителя России от большевизма»⁹⁹. Аналогичную позицию в странах Латинской Америки разделяли проживавшие здесь представители антисоветски настроенных организаций эмигрантов из Прибалтики, Закавказья, Западной Украины, также отличавшихся непримиримостью к СССР.*

Определенное влияние на позицию эмиграции оказала политика стран-реципиентов, которая с самого начала была в основном «настороженно-наблюдательной», а в целом ряде случаев – и прямо враждебной СССР¹⁰⁰. Только после вступления в декабре 1941 г. в войну США большинство латиноамериканских государств объявило войну Германии и Японии. В то же время в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Чили среди правящих кругов и генералитета сохранялись сильные профашистские настроения.

Вторая группа («оборонцев»), продолжавшая стоять на позициях антикоммунизма, поддержала СССР. Она видела в нем полосу противодействия силам агрессии и зла. Этому способствовала и новая ситуация кануна и начала войны, в рамках которой произошло смягчение первоначальных резких противоречий части российской эмиграции и советской страны, в результате чего обозначился поиск диалога диаспоры и родины.

Третью группу составила просоветски настроенная часть славянской трудовой эмиграции, которая с самого начала, исходя из классовых соображений, поддержала Советский Союз. В работе проанализирована проблема сотрудничества эмигрантских комитетов и организаций с советскими официальными структурами. Отмечается, что в годы войны именно на антифашистской основе произошла консолидация многочисленной славянской диаспоры, сформировавшейся в таких странах, как Аргентина, Уругвай, Бразилия, Парагвай, Чили. В ответ на призыв из Москвы здесь были созданы славянские комитеты, которые оказывали материальную помощь бойцам Красной Армии¹⁰¹.

⁹⁸ Бенуа Г. Сорок три года в разлуке // Простор. – Алма-Ата. – 1967. – № 10. – С. 94.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 86. Л. 2–3.

¹⁰⁰ Сизоненко А. И. Становление отношений СССР со странами Латинской Америки (1917–1945 гг.). – М., 1981. – С. 149.

¹⁰¹ Сизоненко А. И., Панков Н. А. Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002. – С. 30.

В работе показано, что в годы войны проблема раскола обозначилась также в рядах Русской православной церкви за рубежом. Высшие иерархи РПЦЗ, в том числе в странах Латинской Америки, поддержали агрессивно нацистской Германии против СССР в надежде на «крестовый поход» фашистской коалиции против международного коммунизма и освобождение России из-под власти Советов. В знак протеста часть приходов в Аргентине, Бразилии, Чили перешла из ведения РПЦЗ в лоно Русской православной церкви Московского патриархата, что еще больше раскололо эмигрантскую колонию¹⁰². В 1943 г. было создано Аргентинское викариатство Алеутской и Североамериканской епархии Московского патриархата¹⁰³.

Восстановленная в годы войны связь эмигрантов с СССР сыграла свою роль в расширении сотрудничества на антифашистской основе. Одновременно решалась важная для советского руководства задача по закреплению своих позиций среди соотечественников, что в дальнейшем послужило основой для их совместных усилий по осуществлению репатриации и реэмиграции.

В шестой главе представлен анализ социокультурной адаптации русских эмигрантов в странах Латинской Америки, их усилий по сохранению национальной идентичности.

В диссертации отмечается, что в 1920–1930-е гг. в Латинской Америке параллельно с процессом адаптации формировалось культурное пространство Русского мира, создавался «Русский очаг» вдали от родины. Так, прибывший в 1924 г. в Парагвай генерал И. Т. Беляев поставил задачу найти «уголок, где бы все святое, что создавала вечная и святая Русь, могло сохраниться, как в ковчеге во время потопа, до лучших времен»¹⁰⁴. Приглашая в страну своих соотечественников из Европы, он пытался осуществить идею «патриотической иммиграции».

Основная культурно-просветительная и благотворительная работа с русскими эмигрантами в странах Латинской Америки шла через различные общественные организации и церковные приходы, которые оказывали культурную помощь эмигрантам из России. В связи с празднованием Дней русской культуры (эта традиция зародилась за рубежом в 1925 г.) среди эмигрантов возрос интерес к творчеству А.С. Пушкина. В Латинской Америке это сказалось на появлении переводов произведений поэта с оригинала на испанский язык (О.А. Волконской (урожденной Грековой), Г.И. Толмачевой), тогда, как ранние переводы Пушкина в Латинской Америке делались с английских или французских изданий поэта¹⁰⁵.

Отмечается также важная роль Русской православной церкви в деле сохранения в изгнании национальной культуры, религиозных традиций и духовных ценностей. Ее культурное влияние в эмиграции проявилось в образовании, литературе, музыке, живописи, архитектуре¹⁰⁶. В работе показано, что особое стремление сохранить самобытность и традиции было свойственно казачеству.

Особое место в деле сохранения культуры и национальных традиций занимала система образования и воспитания в эмигрантской среде. В Латинской Америке, в отличие от Европы, не существовало широкой сети русских школ или гимназий. Поэто-

¹⁰² Русская газета. – Сан-Пауло. 1943, 3 апреля.

¹⁰³ *Лаласно Мигель*. 15 лет в Латинской Америке [Электронный ресурс] // <http://rusecuador.ru/content/russkoyazychny-smi-ob-ekvadore/7447-15-let-v-latinskoj-amerike.html>

¹⁰⁴ Цит. по: *Мартынов Е. Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М., 2006. – С. 103.

¹⁰⁵ Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 1937. 13 февраля; *Ульянова О.и Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 162.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1954. Л. 2–3; Там же. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 365. Л. 51(об.).

му важную роль играла внешкольная организационная и культурно-просветительная работа среди молодого поколения через различные национальные эмигрантские организации для молодежи (скаутские, сокольские, разведчиков, витязей и др.), которые уже своей атмосферой заражали детей любовью к родине, возлагая на молодое поколение задачу «воскрешать русскую душу и русскую мысль, врачевать раны родной страны, восстановить гражданский порядок растерзанной России»¹⁰⁷.

Автором подробно анализируется значение русской печати, эмигрантских библиотек, помогавших поддерживать русский язык и культуру как основу сохранения идентичности, отмечается их роль в процессе социокультурной адаптации эмиграции вдали от родины. Показано, что наибольшее распространение русская печать получила в Аргентине и Бразилии, отдельные издания выходили также в Уругвае и Парагвае, где был представлен разнообразный спектр политической и религиозной печати. Многие издания в силу финансовых трудностей оказались недолговечны.

Специальное внимание в главе уделяется роли русской эмиграции в деле пропаганды отечественного искусства в странах Латинской Америки, прежде всего русского балета. Творческая деятельность артистов труппы С. Дягилева и А. Павловой способствовала не только укреплению славы нового отечественного балета за океаном, но и впоследствии возникновению здесь национальных балетных театров и школ.

В целом, для сохранения национальной идентичности русских в условиях рассеяния в странах Латинской Америки, важно было то, что в диаспоре сохранялось само имя Россия и связанная с ним русская государственная символика. Важными факторами сохранения идентичности являлись русский язык, культура, православная вера и духовное воспитание молодежи в семье и в лоне Русской православной церкви, культивирование в ее среде национальных традиций и уважения к своим предкам и исторической родине. Этому служили также русская печать, книгоиздательское дело, библиотеки, являвшиеся своеобразным «мостиком между чужой страной и оставленной родиной».

Раздел третий «Формирование «второй» волны русской эмиграции в Латинской Америке» (1945-1960-е гг.) состоит из пяти глав.

В первой главе раскрывается деятельность международных организаций и политика латиноамериканских стран в отношении беженцев из Европы в послевоенный период. Показано, что к началу 1946 г. после репатриации в СССР 5,1 млн. советских граждан в оккупационных зонах западных держав оставалось еще более 0,5 млн., стремившихся избежать репатриации и ставших невозвращенцами. Они превращались в политических беженцев, лиц без гражданства. Кроме того, некоторые нансеновские беженцы – представители «первой» волны русской эмиграции, переместившиеся в британскую, американскую и французскую зоны оккупации, а также находившиеся в военных лагерях ЮНРРА, приобретали статус перемещенных лиц.

Урегулированием проблемы беженцев и перемещенных лиц занимались международные организации: Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА) – с 1943 г., Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (The International Refugee Organization – ИРО (далее ИРО) – с 1947 г. и Временный Межправительственный (межгосударственный) комитет по переселению эмигрантов из Европы – с 1951 г. Принятая в том же году Конвенция определяла статус беженца как лица, находившегося вне страны своего рождения, которое не может или не хочет вернуться в страну своего рож-

¹⁰⁷ Возрождение. – Париж. 1935, 4 мая.

дения и чье преследование должно основываться на расовом, религиозном, национальном, политическом факторе или членством в определенной социальной группе. В соответствии с данными параметрами русская эмиграция соответствовала современному определению статуса беженцев в международном праве¹⁰⁸.

Страны Латинской Америки (Бразилия, Колумбия, Доминиканская республика, Панама, Боливия) активно участвовали в составе различных комиссий в разрешении проблемы перемещенных лиц¹⁰⁹. В сентябре 1947 г. Подготовительный комитет ИРО заключил договора о переселении русских ди-пи (до 100 тыс. человек) с 13 странами, в их числе были Бразилия, Венесуэла, Чили¹¹⁰. В западных зонах Германии и Австрии под эгидой ИРО длительное время работали вербовочные миссии из Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, занимавшиеся набором эмигрантов и отсеивавшие всех нежелательных элементов.

В диссертации подчеркивается, что в условиях «холодной войны» страны Латинской Америки, принимавшие ди-пи, преследовали как экономические, так и политические цели, но желание заполучить дешевую рабочую силу превалировало над всеми остальными. В этой связи одной из самых сложных проблем, оставалось расселение нетрудоспособных, а также интеллигенции, поскольку большая часть проектов переселения была традиционно рассчитана на прием главным образом крестьян, ремесленников и промышленных рабочих. Среди эмигрантов из России преимущество получали лица, не связанные с советским режимом, в том числе белоэмигранты, а также андерсовцы, власовцы и прочие коллаборационисты. Поэтому в данном вопросе СССР никак не смог воздействовать на правительства латиноамериканских стран и добиться от них содействия в репатриации.

Программа по переселению беженцев из Европы и Китая за океан продолжалась вплоть до конца 1950-х гг. В рамках ее реализации латиноамериканские страны вносили коррективы в свое иммиграционное законодательство. Так, в Бразилии были введены новые правила, согласно которым временные и транзитные визы выдавались бесподанным лицам без применения к ним установленной процедуры и без формального разрешения Национального института иммиграции и натурализации. Однако требовалось формальное доказательство, что лицо, прибывшее в Бразилию по такой визе, может по истечении ее срока вернуться в ту страну, откуда он прибыло¹¹¹. По новым правилам 1952 г. в Аргентине перемещенные лица направлялись только вглубь страны. В течение трех лет они были обязаны создать поселение в тех местах, куда визировался их паспорт. Въезд в г. Буэнос-Айрес, как правило, запрещался, и этот запрет распространялся также на зону в 100 км от столицы¹¹². Легче всего в те годы оказалось получить въездную визу в Венесуэлу, которая остро нуждалась в рабочих руках, из которых по крайней мере половину предполагалось занять в аграрном секторе. Не было трудностей в получении виз в Чили, но при наличии твердой гарантии со стороны поручителей. Аналогичная ситуация была в Парагвае, где получение визы было возможно лишь при наличии твердых гарантий со стороны поручителей о выделяемой прибывавшему в страну эмигранту помощи в размере 35 американских долларов в месяц. Практически невозможно было по-

¹⁰⁸ Сабенникова И. В. Российская эмиграция 1917-1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 63.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 387. Л. 208; Там же. Д. 388. Л. 214–216.

¹¹⁰ Полян П. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. – М., 2002. – С. 9.

¹¹¹ Россия. – Сан-Пауло. – 1955. – № 1 (март). – С. 51.

¹¹² El Cronico Kommercial. – Buenos-Aires. 1952, 2 de marzo // АВПРФ. Ф. 070. Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2. Л. 18.

лучить в тот период визы для беженцев в Уругвай и Боливию из-за тяжелой экономической ситуации и высокого уровня безработицы в этих странах¹¹³.

Таким образом, *регулирование иммиграционных потоков в послевоенный период осуществлялось под эгидой международных организаций*. С учетом того, что перемещенными лицами в результате войны являлись все гражданские лица, оказавшиеся вне прежнего места проживания, то очередной русский «исход» в Латинскую Америку происходил главным образом из стран Восточной Европы, а также из Китая. *Значительный контингент перемещенных лиц приняли страны Латинской Америки, заинтересованные, в первую очередь, в дополнительной рабочей силе.*

Во второй главе рассматривается география расселения и процессы правовой и социально-экономической адаптации эмигрантов «второй» волны. Отмечается, что наряду с международными организациями проблемой переселения и обустройства послевоенных беженцев из Европы и Китая занимались также церковные и благотворительные организации – Переселенческий комитет Архиерейского Синода, Всемирный Совет объединенных церквей, Ватикан (которым были образованы национальные комитеты помощи беженцам), Комитет помощи иезуитов во Франции, католические миссионеры. Особо важную роль сыграл Толстовский фонд во главе с А.Л. Толстой, в котором на 1 июля 1947 г. было зарегистрировано 49 групп (около 10,6 тыс. человек), направившихся в Южную Америку и Канаду¹¹⁴.

Среди эмигрантских структур в самих странах Южной Америки, имевших отношение к делу переселения ди-пи, были представительства «Посева» в Аргентине, Русская православная церковь в Буэнос-Айресе, возглавляемая отцом К.Г. Изразцовым, отделения СБОНР и др.

В литературе существуют расхождения в определении численности прибывших на латиноамериканский континент перемещенных лиц и представителей старой эмиграции, поскольку многим, пришлось скрывать свои фамилии, национальность и вообще жить по чужим паспортам. По свидетельству В.Д. Поремского, сложившаяся ситуация вносила «невероятную путаницу и послужила «огромным испытанием для нервов статистиков, привыкших к операциям с более ясным материалом»¹¹⁵. Среди латиноамериканских стран, в массовом масштабе принявших у себя «вторую» волну русской эмиграции, были Бразилия (от 5-10 тыс.), Аргентина (6-7 тыс.), Венесуэла (около 3 тыс.), Парагвай – (4 тыс.)¹¹⁶.

Характер занятости эмигрантов во многом определялся потребностями экономического развития государств. Так, Бразилия как индустриализирующаяся страна особую потребность испытывала в земледельцах, промышленных инженерах, рабочих всех специальностей. Легко устраивались в стране специалисты горной и металлургической промышленности. Большинство русских традиционно проживало в штате Сан-Пауло – центре промышленности, предпочитая самую простую работу здесь отправке на сельхозработы, которые были под силу не всякому европейцу¹¹⁷. Аргентина также нуждалась в сельскохозяйственных и квалифицированных промышленных рабочих.

¹¹³ Россия. – Сан-Пауло. – 1955. – № 1 (март). – С. 53.

¹¹⁴ Русская жизнь. – Сан-Пауло. 1947, 1 августа; Там же. 1947, 29 октября.

¹¹⁵ Поремский В. Д. Стратегия антибольшевизмской эмиграции. – М., 1998. – С. 144.

¹¹⁶ Земсков В. Н. Рождение «второй эмиграции». 1944–1952 // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С. 21–22; АВГРФ. Ф. 070. Оп. 18. Папка № 112. Д. 12. Л. 20, 39.

¹¹⁷ Акчурова (Истратенкова) Л. Очерк о жизни русских эмигрантов в Бразилии // Цит по: Хусамутдинов А.А. По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. – Владивосток, 2000. – С. 139.

Представители гуманитарных специальностей даже в случае знания языка, не всегда были в состоянии найти себе применение по специальности¹¹⁸. В Уругвае по социальному происхождению большинство из эмигрантов являлось рабочими, которые работали на мясохладобойнях и в жилищном строительстве; незначительную часть составляли также малоземельные крестьяне, прибывшие сюда еще в период 1920–1930-х гг. Для перемещенных лиц в Парагвае правительство выделяло по 4 га расчищенной от леса земли с поставленными на ней домами¹¹⁹. Привлекательность Венесуэлы заключалась в том, что она принимала переселенцев целыми семьями. Здесь были востребованы квалифицированные иностранные рабочие, техники. Постепенно многие русские, оказавшиеся в Венесуэле, начали осваивать геодезию, после чего смогли устроиться инженерами, топографами и принять участие в сооружении крупных национальных объектов¹²⁰. Свое содействие процессу адаптации перемещенных лиц оказывали различные общественные эмигрантские организации, в их числе военные, казацки¹²¹.

В главе сделан вывод, что после Второй мировой войны Латинская Америка становится одним из центров расселения новой волны русской эмиграции. Благодаря востребованности рабочих рук в индустриализирующихся странах региона и достаточно высокому образовательному и профессиональному уровню переселенцев, им удалось спустя какое-то время трудоустроиться и успешно пройти путь социально-экономической адаптации. После войны произошло расширение географии расселения эмиграции на континенте за счет новых стран, но вместе с тем, места компактного проживания эмигрантов сохранялись, благодаря чему поддерживался и статус диаспор.

В третьей главе рассматривается политическая деятельность русской эмиграции в условиях «холодной войны». Доказано, что во взаимоотношениях «первой» и «второй» волн эмиграции проявлялись «отчужденность, непонимание, подозрения», которые «сохранились в продолжении ряда лет и стали сглаживаться лишь к концу пятидесятых годов»¹²². Проживавшие в Латинской Америке «старожилы», как пишет Ю. Слепухин, делились, на «красных» (просоветски настроенных) и «непримиримых», при этом те и другие к новой эмиграции относились долгое время одинаково враждебно, считая ее «кто сплошь власовцами, кто сплошь шпионами»¹²³.

В диссертации на новых источниках и материалах показано, что русская послевоенная эмиграция в странах Латинской Америки в большей степени, чем послереволюционная оказалась вовлеченной в антикоммунистическую деятельность, в том числе благодаря географической близости к США как основному центру политической активности послевоенного Русского зарубежья. В разных странах континента были созданы многочисленные очаги антикоммунистической борьбы и противостояния СССР. Этому способствовала также сама международная ситуация начала «холодной войны», когда прежде всего под влиянием США значительную часть латиноамериканских политиков охватили антисоветские и антикоммунистические настрое-

¹¹⁸ АВПРФ. Ф. 070. Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2. Л. 15.

¹¹⁹ АВПРФ. Ф. 070. Оп. 19(а). Папка № 117. Д. 2. Л. 18.

¹²⁰ Степанов М.С. Четыре открытия Венесуэлы // Латинская Америка. – 1999. – № 2–3. – С. 89.

¹²¹ Senkman L. Política internacional e inmigración europea en la Argentina de postguerra (1945-1948). El caso de los refugiados // Estudios Migratorios Latinoamericanos. – Buenos Aires. – 1981. – № 1 // Цит. по: Ульянова О. и Норамбуэна К. Русские в Чили. – Santiago, 2009. – С. 46; Владимирский вестник. – Сан-Пауло. – 1954. – № 39. – С. 56, 30; Часовой. – 1960. – № 410. – С. 19.

¹²² Константинов Д. (протоиерей). Через туннель XX-го столетия. – М., 1997. – С. 422.

¹²³ Слепухин Ю. Южный крест. – М., 1987. – С. 220.

ния. Прибывшим на континент русским эмигрантам также приходилось доказывать словом и делом свой антикоммунизм.

На новых материалах показано, что очередной приток русских переселенцев на латиноамериканский континент имел большое значение для укрепления общины белых эмигрантов, которая продолжала рассматриваться как «духовная основа возрождения Российского государства», единственный гарант выживаемости «русской национальной идеи» и в России и за ее пределами»¹²⁴. Верность белой идее проявлялась в этой среде все последующие годы.

Постепенно в условиях «холодной войны» «первая» и «вторая» волна сблизилась на основе антисоветских и антикоммунистических настроений. Представителями белой эмиграции были предприняты меры по восстановлению старых и созданию новых воинских формирований, в том числе отделов РОВС, отделений Общества галлиполийцев, Объединения императорской армии и флота, Российского Имперского Союза-Ордена (РИС-О), Обще-Монархического Фронта (ОМФ), Народно-трудового союза (НТС) (солидаристов)¹²⁵. Здесь зародилось российское народно-монархическое (штаб-капитанское) движение (лидер – И.Л. Солоневич). Участниками антикоммунистических политических акций в странах Латинской Америки являлись также бывшие коллаборационисты и власовцы (члены Русского Корпуса во главе с Б.А. Хольмстон-Смысловским, 1-й Русской национальной армии (РНА), СБОНР, казаки)¹²⁶. Несмотря на разницу в политических пристрастиях политически активная часть диаспоры, оставаясь на антикоммунистических позициях, выступала против попыток расчленения страны, «против всяких границ, таможенных виз и «провинциального шовинизма» между частями России»¹²⁷.

Один из основных выводов третьей главы диссертации состоит в том, что *в послевоенный период, благодаря смещению политических центров русской диаспоры за океан, Русское зарубежье в Латинской Америке оказалось в эпицентре идеологического противостояния периода «холодной войны»*. Представители «второй» волны эмиграции стали активными участниками пропагандистской кампании, которая характеризовалась непримиримым отношением к СССР. Их идеологическая позиция повлияла, в свою очередь, на научную и публикаторскую деятельность, основными темами которой, наряду с итогами Второй мировой войны и историей белого движения, стала «русская» проблематика или «русский вопрос».

В главе четвертой раскрываются особенности культурной адаптации «второй» волны эмиграции в странах Латинской Америки, анализируется вклад русской диаспоры в культурную жизнь стран-реципиентов. В работе показано, что важную роль в процессе адаптации русской эмиграции играло сохранение русской национальной культуры за рубежом и участие ее представителей в межкультурном диалоге, который способствовал взаимовосприятию народов, преодолению существовавших стереотипов.

Эмигранты «второй» волны вновь обратились к опыту внешкольного религиозного образования и воспитания детей и, в частности, таких его форм, как детские объединения скаутов, витязей, русского сокольства. В конце 1940-х – 1950-е гг. в Арген-

¹²⁴ Андрушкевич И.И. Русская Белая эмиграция // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 195.

¹²⁵ Судьбы поколения 1920-1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. – М., 2006. – С. 258; Часовой. – 1957. – № 380. – С. 19; Часовой. –1960. – № 410. – С. 19.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 212. Л. 6; Россия. – Сан-Пауло. – 1955. – № 1. – С. 23.

¹²⁷ Устав Российского Имперского Союза-Ордена. Буэнос-Айрес, 20 декабря 1965 г. б.с. [Машинописн. экз.]

тине, Бразилии, Венесуэле, Чили были воссозданы организации российских юных разведчиков (ОРИОР), в которых велась патриотическая работа по воспитанию любви к родине, происходило знакомство с национальной историей и культурой, тем самым продолжала решаться задача «борьбы против денационализации молодежи на чужбине»¹²⁸.

В работе раскрывается роль культурно-просветительных организаций русской эмиграции, которых только в Аргентине насчитывалось свыше 30 («Дом Русских Белых эмигрантов», клуб им. А.С. Пушкина, Русское шахматное общество им. А. Алехина, Русское историческое общество и др.). Среди эмигрантов сохранилась традиция празднования Дней русской культуры, Татьянинного дня. Дальнейшее развитие получила деятельность отечественных литературоведов и переводчиков, среди которых были писатели М.Д. Каратеев, Ю. Слепухин, поэт В.Ф. Перелешин, литературовед И.С. фон дер Пален (псевдоним - И. Аструа), писатель, редактор и критик Н.Н. Никитенко. Свой вклад в развитие искусства в странах Латинской Америки внесли также русские художники и архитекторы.

Особенностью новой волны эмиграции в Латинской Америке был не только ее социальный и профессиональный состав, но и более прагматическое отношение к самому факту получения образования. Некоторые из переселившихся сюда после войны русских эмигрантов стали известными в своей области учеными и педагогами, внесли важный вклад в развитие науки и образования стран проживания.

Важную культурную миссию в странах Латинской Америки по-прежнему выполняла Русская православная церковь за рубежом. При этом сама русская православная община в послевоенный период переживала сложные времена. Во второй половине 1940-х гг. местные православные приходы РПЦЗ становятся полем раздора между Карловацким архиерейским Синодом и Американской митрополией. Наиболее напряженной с начала 1940-х гг. была ситуация в Аргентине, где произошел раскол между Синодом РПЦЗ и протопресвитером К.Г. Изразцовым, следствием которого стал выход Свято-Троицкого прихода в Аргентине из юрисдикции Синода и его подчинение Американской митрополии. Всего к концу 1960-х гг. на континенте действовали четыре (из 14) епархий Русской православной церкви за границей – Аргентинская, Бразильская, Чилийско-Перуанская, Венесуэльская¹²⁹.

Значительное внимание в главе уделяется роли периодических изданий и библиотек в процессе адаптации перемещенных лиц. Отмечается, что наибольшее количество газет и журналов – политических, литературных, православных традиционно имела русская эмиграция в Аргентине. Там, по подсчетам М.А. Кублицкой, в XX в. насчитывалось 54 русских печатных издания, одно из которых - монархическая газета «Наша страна», основанная в 1948 г. И.Л. Солоневичем, продолжает выходить до сегодняшнего дня¹³⁰. Важное значение в культурной и просветительной жизни русских колоний имело издательское дело, которое приобрело по сравнению с 1920-1930 гг. более широкие масштабы. Центральное место в их деятельности занимала публикация трудов политического и военно-исторического характера (И.Солоневича, Е.Месснера, Б.Ширяев и др.)¹³¹.

¹²⁸ Наша страна. – Буэнос-Айрес. 1981, 10 апреля.

¹²⁹ Русская православная церковь за границей. Под ред. А.А.Соллогуба. Т. 2. – Нью-Йорк. 1968. – С. 1190–1191.

¹³⁰ Кадетская перекличка. – Буэнос-Айрес. – 2007. – № 78 // www.kadetpereklichka.org.

¹³¹ Местяев Г. За гранью прошлых дней. – Буэнос-Айрес, 1957; Ширяев Б. Н. Ди-пи в Италии. – Буэнос-Айрес, 1952; Он же. Я – человек русский. – Буэнос-Айрес, 1952; Он же. Светильники Русской Земли. – Буэнос-Айрес, 1953; Хольмстон-Слысловский Б.А. Избранные речи и статьи. – Буэнос-Айрес, 1953 и др.

В главе сделан вывод о том, что важную роль в судьбе перемещенных лиц и в целом «второй» волны эмиграции в странах Латинской Америки сыграли Русская православная церковь за рубежом, католические миссионеры, а также различные культурно-просветительные организации. Их совместными усилиями поддерживалась система образования и воспитания молодого поколения, что способствовало сохранению культурных и национальных традиций в странах латиноамериканского рассеяния.

Представители «второй» волны русской эмиграции оставили заметный след в истории науки, культуры, образования стран расселения. Другой стороной данного процесса стала наметившаяся с годами интеграция бывших ди-пи и их потомков в латиноамериканское общество, перераставшая постепенно в ассимиляцию, с неизбежной в этом случае частичной потерей родного языка, но сохранением элементов русской культуры и национального самосознания.

В пятой главе, посвященной анализу проблем взаимодействия и противостояния русской диаспоры и родины, отмечается, что вторая половина 1940-х – 1960-е гг. совпали с начальным периодом «холодной войны» между СССР и западными странами. В это время происходила активная борьба за российских мигрантов. В ней использовались дипломатические рычаги (соглашение о выдачах 1944-1945 гг.), административные меры (препятствование репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц, бежавших из Германии на Запад), а также правовые гарантии безопасности для бывших военнослужащих вермахта и СС, разрешение им въезда в США, Великобританию, Канаду, Австралию, Южную Америку.¹³²

В диссертации на новых источниках показано, как развернута на континенте деятельность советских служб (включая посольства, комитет «За возвращение на родину», Славянский комитет СССР (СК СССР), ВОКС и др.) по пропаганде идеи репатриации в очередной раз расколола российскую эмиграцию на сторонников и противников возвращения. Наиболее сильные антирепатриационные настроения в среде эмиграции проявились в Аргентине¹³³. Среди невозвращенцев, наряду с представителями белой эмиграции и коллаборантами, были выходцы из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии.

В работе отмечается, что в этой обстановке советская сторона продолжила линию на усиления связей с прогрессивными (просоветскими) организациями славянской эмиграции в Латинской Америки через прямые контакты, распространение славянской прессы, радиопропаганду¹³⁴. В просоветской эмигрантской печати (в Аргентине это были – «Наша газета» (на рус. яз.), «Знания» (на украин. яз.), «Тевине» (на литов. яз.) и др.) осуществлялась публикация обращений и заявлений советских властей, писем и статей репатриантов. В результате на призыв к реэмиграции откликнулась просоветски настроенная часть славянской, литовской, армянской, еврейской диаспор.

Сама идея о возможности сотрудничества части русской эмиграции с советской властью возникла на основе идеологических симпатий, а также патриотических ценностей, которые сформировались под влиянием итогов Второй мировой войны, советской пропаганды и западной печати, «отождествлявшей советскую победу в войне с русской победой и СССР с Россией». Симпатии выражались также в идее «возвращенчества»

¹³² Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. – С. 348.

¹³³ АВГРФ. Ф. 070. Оп. 18. Папка № 112. Д. 12. Л. 16.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 206. Л. 44.

(реэмиграции), которую в странах Южной Америки, по мнению о. Дм. Константинова, поддержали не менее сорока тысяч человек, «равных во что бы то ни стало вернуться на «счастливую родину»¹³⁵.

Однако, в целом, как свидетельствуют документы, в 1946–1951 гг. большого успеха работа по репатриации (реэмиграции) в странах Латинской Америки не имела. Положение стало меняться после смерти И.В. Сталина. В результате к концу 1950-х гг., по разным данным, в СССР из Латинской Америки выехало более 4 тыс. человек (по данным аргентинских газет – не более 3 тыс. иммигрантов русского, украинского и белорусского происхождения).

Среди противников репатриации на Западе столь массовый выезд из Латинской Америки характеризовался как «крупный советский успех», который был призван «возместить провал работы «Комитета за возвращение на родину» генерала Н.Ф. Михайлова в других странах и выполнить таким образом запланированную цифру возвращенцев за счет едущих из Аргентины»¹³⁶.

Следует признать, что, наряду с изменениями во внутренней и внешней политике СССР, этот «успех» был обусловлен прямыми контактами, установленными советскими структурами с эмигрантами и их организациями в странах Латинской Америки¹³⁷. В 1950-е гг. имели место обмены делегациями славянских организаций Уругвая и СК СССР. Советской стороной оказывалась помощь эмигрантам в деле подготовки кадров, в том числе в области преподавания русского языка. С открытием 5 февраля 1960 г. Университета дружбы народов в Москве (с 1961 г. – имени Патриса Лумумбы) специальные квоты на обучение в Университете выделялись для представителей русскоязычных диаспор в Латинской Америке¹³⁸.

В главе сделан вывод о том, что *состав перемещенных лиц, внешнеполитический курс латиноамериканских стран, помноженный на страх и опасения людей возвращаться обратно, сводили к минимуму эффективность работы советских репатриационных структур на континенте. Лишь улучшение политического климата в СССР в период «хрущевской оттепели» позволило советским властям несколько изменить ситуацию с реэмиграцией, произошло смягчение внешнеполитической линии советского руководства в отношении соотечественников за рубежом, что содействовало поиску новых форм и способов налаживания контактов с русскоязычными диаспорами. Не преувеличивая значение подобных связей, тем не менее отметим, что во многом благодаря целенаправленной работе советских посольств и ряда общественных организаций с русской диаспорой, в 1950-е гг. латиноамериканский континент навсегда покинула часть наших соотечественников. Деятельность в этом направлении таких организаций, как ВОКС, Славянский комитет СССР, Комитет «За возвращение на родину» может рассматриваться сегодня как реальный советский опыт «сетевой дипломатии», который в тех условиях способствовал продвижению интересов СССР на латиноамериканском континенте с помощью диаспор.*

В **Заключении** диссертации подведены итоги, сделаны обобщающие выводы. Проведенное исследование показало, что история русской эмиграции в странах Латинской Америки в XX в. является составной частью истории Русского зарубежья.

Переселение за океан после Гражданской войны было обусловлено целым ком-

¹³⁵ Константинов Д. (протоиерей). Через туннель XX столетия. – М., 1997. – С. 424.

¹³⁶ Аргентинская репатриация (По материалам Аргентинского Отдела СБОНРа). – Мюнхен, 1956. – С. 4–7.

¹³⁷ Сергеев М. Г. Воспоминания первого советского посла в Аргентине // Россия, СССР–Аргентина: 100 лет отношений. Сб. ст. Приложение. – М., 1985. – С. 182–183.

¹³⁸ БФ РЗ. Ф. 1. М.–237. Оп. 1. Кн. 5. Л. 2412.

плексом причин, среди которых, наряду с политическими (неприятие нового государственного строя в стране исхода) были экономические (изменение социального статуса, проблемы с трудоустройством, безработица, недостаток земель для расселения в странах первичной эмиграции). Выбор в пользу Латинской Америки был связан с практическим опытом иммиграционной политики ряда стран региона, наличием здесь незаселенной и дешевой земли, перспективами развития национальных экономик и востребованностью трудовых ресурсов. Кроме того, у латиноамериканских властей на волне борьбы с международным коммунистическим влиянием на континенте всегда было сочувственное отношение к антикоммунистической эмиграции, хотя подозрение к каждому русскому как к потенциальному максималисту (большевику) сохранялось на протяжении всего межвоенного периода и вновь появилось в связи с прибытием на континент перемещенных лиц после Второй мировой войны.

Русская диаспора в рамках рассматриваемого периода прошла несколько этапов развития. Процесс ее становления на латиноамериканском континенте был связан с появлением здесь послереволюционной эмиграции 1920-1930-х гг., которая вдали от родины заложила основы культуры Русского мира. В результате послевоенного пополнения происходил процесс дальнейшего структурирования русской диаспоры, сохранения специфики ее менталитета. При этом каждая из двух иммиграционных волн, наряду с сохранением общих черт, имела свои отличительные особенности, обусловленные причинами эмиграции, численностью, социальным и политическим составом, ареалом расселения и отсюда спецификой условий социально-экономической, политической, правовой и культурной адаптации, масштабами институционализации и глубиной интеграции эмигрантского сообщества.

Одним из важных факторов, воздействовавших на процесс адаптации русской диаспоры, являлась иммиграционная политика стран-реципиентов. В Аргентине, Бразилии, Парагвае и Уругвае, проводивших активную иммиграционную политику в 1920-е гг., регулирующая роль процессами колонизации (перевозка и содержание переселенцев за государственный счет, выделение земельных наделов, наем на кофейные плантации, опека правительственной бюрократии и т.д.) выполнялась государством. Это изначально обуславливало приток сюда (в отличие от Европы и США) менее обеспеченных в материальном отношении эмигрантов, перед которыми, наряду со сложностями природно-климатической адаптации стояла проблема материального выживания – безденежья, случайных заработков и бытовой неустроенности.

Географическая удаленность от исторической родины, отсутствие какой-либо правовой защиты с ее стороны значительно затрудняли процесс адаптации переселенцев. Основную заботу по оказанию помощи русским в странах Латинской Америки, содействию в отстаивании их интересов перед правительствами стран расселения взяли прежние российские дипмиссии в Аргентине, Бразилии, Мексике, продолжавшие неофициально действовать вплоть до начала 1930-х гг.

Важным фактором адаптации эмигрантов в странах Латинской Америки являлась Русская православная церковь за рубежом (прежде всего в лице ее главы в Аргентине протопресвитера К.Г. Изразцова), которая помогала беженцам выживать материально и сохранять духовную и культурную общность через православные приходы, общины, школы, активную издательскую и религиозно-просветительную деятельность. Вместе с тем Русская православная церковь в Латинской Америке не избежала расколов, и к концу 1970-х гг. ее приходы находились в юрисдикции пяти разных церквей.

Исследование показало, что среди характерных черт социальной психологии русских иммигрантов в латиноамериканских странах в 1920-1930-е гг. можно выделить следующие: тоска и осознание полного разрыва со старым привычным миром, ностальгия, порой доходившие до отчаяния (особенно для вновь прибывших); с одной стороны, оторванность от активного участия в общественной жизни страны, замкнутость («жизнь своим домом»), русский провинциализм в быту, с другой – активное вращение в среду «обитания» местной русской элиты, пестрота политических пристрастий и отсюда долгое время существовавшая нетерпимость к инакомыслию.

Общими характеристиками иммигрантов «первой» и «второй» волн был достаточно высокий образовательный уровень, наличие среди них большего числа военных, технических специалистов, инженеров, интеллектуалов, представителей культуры, которые в дальнейшем включились в жизнь латиноамериканских стран в самых различных областях профессиональной, предпринимательской и культурной деятельности. С этим была связана специфика преимущественного расселения русской эмиграции в урбанизированные ареалы латиноамериканских стран и прежде всего в столицах и других крупных городах, хотя часть переселенцев, прежде всего из числа казачества и рядового крестьянства, оседала в районах сельскохозяйственной колонизации. Особенность «второй» волны эмиграции заключалась не только в ее социальном и профессиональном составе, но и в более прагматическом отношении к факту получения образования. Многие из детей русских послевоенных эмигрантов, завершив обучение как в местных, так и американских университетах, преподавали в вузах, получили высшие офицерские звания в национальных армиях, высокие государственные должности и дипломатические посты.

Несмотря на наметившуюся в 1930-е гг. частичную интеграцию в латиноамериканское общество и адаптацию к новым условиям, сложившаяся здесь русская диаспора долгое время не допускала ассимиляции и сохраняла основные этнические признаки – язык, национальное самосознание, православную веру. В результате к моменту прибытия на континент «второй» волны эмиграции здесь уже был соблюден так называемый «критический размер этнической группы», имелись соответствующие этнические гнезда (впрочем, как у украинской и белорусской диаспор), право на сохранение языка и культуры в которых осуществлялось благодаря созданию различных институциональных форм (военных, политических, культурно-просветительных организаций, православных общин), а также печати, библиотек, издательств, театров и т.д.

В условиях «холодной войны» наметилось взаимодействие старой и новой (послевоенной) эмиграции на антикоммунистической основе, нередко перераставшее в групповую солидарность. Одновременно выработанный несколькими поколениями эмигрантов опыт экономической, общественной и культурной жизни сохранял свою актуальность в диаспоре на протяжении длительного времени. Пройдя успешно основные этапы адаптации, многим русским удалось реализовать свой научный и творческий потенциал и внести заметный вклад в культурное и социально-экономическое развитие стран региона.

При этом диаспоральность русских в Латинской Америке поддерживалась своеобразным, свойственным только им стилем жизненного поведения, в основе которого лежала идея служения родине и ностальгическая вера в возможность возвращения в будущем в пределы Отечества. В связи с этим культурная и военно-политическая элита русского зарубежья в Латинской Америке, как и в других странах рассеяния, была озабочена сохранением национальной самобытности в изгнании, со-

ставлявшей основу идентичности на пространстве инокультурного мира. Эта задача тем более была важна, так как через систему образования, язык, профессиональную деятельность, службу в армии, смешанные браки наблюдалось стирание этнокультурной самобытности иммигрантов и их интеграция в новое социокультурное пространство. В результате, во втором и третьем поколениях этническое самосознание русской диаспоры отличалось бивалентностью, включавшей в себя как «русский», так и «латиноамериканский» компоненты.

В годы Второй мировой войны и в последующее десятилетие часть русской и в целом славянской диаспоры была вовлечена в развитие двусторонних контактов латиноамериканских стран с СССР, что проявилось в их участии в акциях материальной помощи Советскому Союзу в годы борьбы с фашизмом, в сотрудничестве с советскими посольствами, Всеславянским комитетом, в деятельности Обществ дружбы с СССР и др. Подобные изменения произошли благодаря новым тенденциям в общественной и культурной дипломатии СССР, которые позволили смягчить, а затем и частично преодолеть изоляцию русской эмиграции и восстановить контакты между диаспорой и родиной. Данный процесс содействовал добровольному переходу части эмигрантов в советское гражданство в послевоенный период, стимулировал последующую репатриацию в СССР, главным образом представителей трудовой эмиграции. Однако в тех исторических условиях это никак не означало достижения общего примирения иммигрантов с советским политическим режимом.

До конца 1980-х гг. массового оттока россиян в Латинскую Америку больше не происходило. К тому времени завершился процесс адаптации предыдущих волн эмиграции, однако окончательной консолидации диаспоры не произошло. Различные факторы, обусловившие эмиграцию «первой» и «второй» волн, ее неоднородный социально-политический состав не могли привести к тому, чтобы концепция исхода прекрывалась бы национальной идеей, тем не менее выходцы из России и СССР продолжали рассматривать себя как единую нацию, рассеянную по всему миру.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Монография

1. Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-1960 гг. – М.: РУДН, 2011. – 384 с. (24, 25 п.л.).

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов докторских диссертаций

2. Мосейкина М.Н. Humberto Monteon J. Mexico en la Gran Guerra Patria del pueblo sovietico. Mexico: Nuestro tiempo. 1985. – 208 p. Рецензия // *Вопросы истории*. – 1988. – № 5. – С. 155–156 (0,2 п.л.).
3. Мосейкина М.Н. Судьбы российских эмигрантов (конец 19–20 в.) // *Новая и новейшая история*. – 1998. – № 3. – С. 236–240 (0,3 п.л.).
4. Мосейкина М.Н. К вопросу о периодизации российско-латиноамериканских связей (в соавторстве с Чистяковой Е.В., Савиным В.М.) // *Латинская Америка*. – 1998. – № 11. – С. 107–108 (0,1 п.л.).
5. Мосейкина М.Н. Отец Феодосий – архиепископ Сан-Паульский и Всея Бразилии // *Латинская Америка*. – 2000. – № 7. – С. 69–74 (0,3 п.л.).
6. Мосейкина М.Н. Российская диаспора в XIX–XX вв. Выживание или исчезновение (в соавторстве с Г.В. Мелиховым) // *Отечественная история*. – 2000. – № 1. – С. 208–213 (0,3 п.л.).
7. Мосейкина М.Н. Русские в странах Латинской Америки в 20-30-е гг. XX в.: повседневность колонизации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. – 2003. – № 2. – С. 153–166 (1 п.л.).
8. Мосейкина М.Н. «Издавательства над ди-пи продолжаютя»: Формирование новой волны русской эмиграции в Аргентине после Второй мировой войны и проблемы репатриации в СССР // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. – 2007. – № 2. – С. 70–81 (1 п.л.).
9. Мосейкина М.Н. Первые «Нансеновские чтения» в Санкт-Петербурге // *Российская история*. – 2009. – № 1. – С. 199–203 (0,8 п.л.).
10. Мосейкина М.Н. Основные тенденции развития реформаторско-демократической мысли российского зарубежья 1920-30-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. – 2009. – № 4. – С. 75–84 (0,5 п.л.).
11. Мосейкина М.Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-30 годы // *Российская история*. – 2010. – № 3. – С. 98–115 (1 п.л.).
12. Мосейкина М.Н. Русская эмиграция и Вторая мировая война. III Международная научная конференция «Нансеновские чтения» // *Российская история*. – 2010. – № 3. – С. 211–213 (0,2 п.л.).
13. Мосейкина М.Н. «Оборонцы» и «пораженцы»: проблема нравственного выбора русской эмиграции в Латинской Америке в годы Второй мировой войны // *Латинская Америка*. – 2011. – № 8. – С. 69–80 (1 п.л.).
14. Мосейкина М.Н. Печать и издательское дело русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1940-1970-е гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. На-

учно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов. – 2011. – № 6(12). – Ч. 2. – С. 132–138 (0,5 п.л.).

Документальные публикации

15. Мосейкина М.Н. «Без денег не советую никому ехать сюда...»: Письма русских эмигрантов-колонистов из Парагвая. 1934-1935 // Исторический архив. – 2005. – № 5. – С. 37–52 (1 п.л.).

16. Мосейкина М.Н. «Аргентинская репатриация – путь на Родину: Документы Архива внешней политики Российской Федерации о перемещенных лицах в странах Латинской Америки. 1946–1950 гг. Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии // Альманах «Россия. XX век». 2011 // <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-document/1014096>

Научные статьи и публикации:

17. Мосейкина М.Н. Сотрудничество антифашистских комитетов СССР и стран Латинской Америки в годы Второй мировой войны // Борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки за мир и социальный прогресс, против империализма и войны. Материалы научно-практической конференции, посвященной 25-летию УДН. – М.: УДН, 1985. – С. 242–243 (0,5 п.л.).

18. Мосейкина М.Н. Русское православие в Бразилии // Встреча (Культурно-просветительная работа). Министерство культуры РФ. – 1996. – № 11. – С. 29–30 (0, 2 п.л.).

19. Мосейкина М.Н. Из истории адаптации русской эмиграции в Аргентине в 1920-1930-е гг. // Россия и мировая цивилизация. Материалы международной научно-теоретической конференции. – М.: РУДН, 1996. – С. 43–49 (0,3 п.л.).

20. Мосейкина М.Н. Русские эмиграционные потоки в странах Латинской Америки // Россия в мировом политическом процессе. Материалы второй международной научно-теоретической конференции. – М.: РУДН, 1997. – С. 104–107 (0,3 п.л.).

21. Мосейкина М.Н. К вопросу о выявлении и систематизации источников по истории адаптации российской эмиграции в Аргентине и Бразилии в 1920-30-е гг. // Источники и историография истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX-20 вв. – М.: ИРИ РАН, 1997. – С. 79–86 (0,5 п.л.).

22. Мосейкина М.Н. Роль политических и общественных организаций в процессе адаптации русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1917-1945 гг. // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец 19-20 вв.). – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 100–115 (1 п.л.).

23. Мосейкина М.Н. История российского зарубежья в общем курсе отечественной истории // Преподавание отечественной (национальной) истории в вузе. Новые подходы, концепции, методы. Материалы четвертой международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 1999. – С. 122–131 (0,5 п.л.).

24. Мосейкина М.Н. А.С. Пушкин и русская эмиграция (к истории Пушкинского лицейского общества за рубежом) // А.С. Пушкин и современность. К 200-летию со дня рождения поэта. Доклады и сообщения. Ч.II. – М.: РУДН, 1999. – С. 50–54 (0,1 п.л.).

25. Мосейкина М.Н. Феоdosий (Самойлович) – Архиепископ Сан-Паульский и всей Бразилии и его религиозно-просветительская деятельность в эмиграции (1930-1960-е гг.) // Святитель Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, апостол Аме-

- рики и Сибири и его наследие. Материалы научной конференции. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2000. – С. 77–82 (0,3 п.л.).
26. Мосейкина М.Н. Русская диаспора в Латинской Америке в послевоенный период: новый этап борьбы за выживание // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. Сб. науч. ст. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 137–148 (0,5 п.л.).
27. Мосейкина М.Н. Из истории «третьей волны» русской эмиграции в Латинскую Америку // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов: Доклады и выступления ученых РУДН на X Всемирном конгрессе латиноамериканистов, 26–29 июня 2001 года. – М.: РУДН, 2002. – С. 92–103 (0,7 п.л.).
28. Мосейкина М.Н. Общество и власть в постсоветский период. Проблема социальной адаптации / Отв. ред. А.К. Соколов, В.М. Козьменко // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 142–153 (1 п.л.).
29. Мосейкина М.Н. Историография российской эмиграции в странах Латинской Америки (конец XIX–XX вв.) // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). – М.: ИРИ РАН, 2004. – С. 229–246 (1 п.л.).
30. Мосейкина М.Н. Русская диаспоральность и проблема сохранения национальной идентичности послереволюционной эмиграции // История народов России: Экономика и культура. – М.: РУДН, 2005. – С. 166–175 (0,5 п.л.).
31. Мосейкина М.Н. Правовое положение русской эмиграции в странах Латинской Америки (1920–30-е гг.) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Сб. науч. трудов. – СПб.: Изд-во «Сударыня», 2006. – С. 216–229 (0,8 п.л.).
32. Мосейкина М.Н. Социал-демократическое крыло русского зарубежья о политической ситуации в СССР в 1920–30-е гг.: эволюция восприятия власти // Российский политический менталитет: образ власти в глазах общества XX в. – М.: РУДН, 2007. – С. 170 – 178 (0,5 п.л.).
33. Мосейкина М.Н. Русские перемещенные лица в Венесуэле (1940–1950-е гг.) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг. Мат-лы международной научно-теоретич. конференции. Сб. науч. статей. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 144 – 158 (1 п.л.).
34. Мосейкина М.Н. Аргентина и аргентинцы в восприятии российских эмигрантов конца XIX - первой трети XX в. // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Мат-лы Всероссийской научной конференции – М.: ИРИ РАН, 2008. – С. 95–99 (0,3 п.л.).
35. Мосейкина М.Н. Католический священник отец Филипп де Режи и русская эмиграция // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 9. – СПб. – 2008. – С. 59 – 62 (0,3 п.л.).
36. Мосейкина М.Н. Русская православная церковь в Латинской Америке в 1920–1940-е гг.: проблемы межконфессионального диалога // Нансеновские чтения – 2007. – СПб.: Изд-во «Сударыня», 2008. – С. 237–247 (0,7 п.л.).
37. Мосейкина М.Н. La diáspora rusa en los países de América Latina en el primer tercio del siglo XX: las particularidades de los procesos del cambio de la identidad // Ежегодник Научно-образовательного центра латиноамериканских исследований Российского Университета дружбы народов. 2009. – М.: РУДН, 2009. – С. 230–240 (0,7 п.л.).
38. Мосейкина М.Н. Развитие школьного дела и проблемы воспитания молодого поколения русской эмиграции // Государство и развитие образования в России XIII–XX вв.: политика, институты, личности: Мат-лы XIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, РУДН, 14–15 мая 2009 г. – М.: РУДН, 2009. – С. 434 – 442 (0,5 п.л.).

39. Мосейкина М.Н. Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь российской эмиграции: проблемы взаимодействия в годы Второй мировой войны и послевоенный период // «Нансеновские чтения» – 2008. – СПб.: Изд-во «Сударыня», 2009. – С. 206–216 (0,6 п.л.).
40. Мосейкина М.Н. Фонд «Русский мир». Проект «Русский мир и Россия: модели и факторы единства и разъединения в XX веке»: Хрестоматия. База данных. – М.: Фонд «Русский мир». 2009. CD-ROM // Составители: Антошин А.В., Бордюгов Г.А., Бочарова З.С., Касаев А. (90 п.л. /Лично –17 п.л.)
41. Мосейкина М.Н. Идеино-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940-50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. – М.: «РИА Новости», АИРО-XXI, 2009. – С. 66–68 (0,2 п.л.).
42. Мосейкина М.Н. Отец Константин Изразцов и его роль в судьбе русской эмиграции в странах Латинской Америки // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (ПСТГУ): Материалы. Том II. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – С. 63–65 (0,2 п.л.).
43. Мосейкина М.Н. «И где-то за тридцать земель появится русский народ со своей верой, своим языком, своими привычками и традициями»: из истории эмиграции русского казачества в Парагвае // Казачество в истории России и пограничья. Мат-лы межрегион. научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. – С. 13–16 (0,2 п.л.).
44. Мосейкина М.Н. СССР и российское зарубежье в странах Латинской Америки в условиях начала холодной войны // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран. XX в. Мат-лы XIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН. – М.: РУДН, 2010. – С. 392–402 (0,5 п.л.).
45. Мосейкина М.Н. «И вот я... в столице Буэнос-Айрес!»: белая эмиграция в Аргентине в начале 1920-х гг. // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения. Сб. материалов международной научной конференции. – Архангельск: Изд-во «Солти», 2010. – С. 54–57 (0,2 п.л.).
46. Мосейкина М.Н. Деятельность русской колонии города Сан-Пауло по оказанию помощи соотечественникам в годы Второй мировой войны (по личным воспоминаниям И.Ф. Лихоманова) // Нансеновские чтения – 2010. IV Международная конференция. – СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2010. – С. 89–100 (0,7 п.л.).
47. Мосейкина М.Н. Русская эмиграция в Бразилию в конце XIX - первой трети XX века в отечественной историографии // Мультикультурная и многонациональная Россия. – М.: РУДН, 2010. – С. 224–235 (0,5 п.л.).
48. Мосейкина М.Н. СССР в годы «великого перелома» глазами иностранцев и русских эмигрантов (по материалам личного фонда А.И. Гучкова) // Вопросы отечественной историографии. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. – М.: РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова, 2010. – С. 97–111 (0,8 п.л.).
49. Мосейкина М.Н. Проблемы социально-экономической адаптации российского крестьянства в условиях эмиграции в странах Латинской Америки (1920-1930-е гг.) // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17-19 октября 2010 г.). – Ижевск: Изд-во Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, 2010. – С. 280–287 (0,5 п.л.).
50. Мосейкина М.Н. Фашизм и коллаборационизм в русской эмиграции в Латинской Америке (1920-1950-е гг.) // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания /

Отв. ред. и сост. Ю. Н. Жуков. Науч. ред. В. Ю. Черняев. – СПб.: СПбГАСУ, 2011. – С. 179–197 (1 п.л.).

51. Мосейкина М.Н. Русский мир на постсоветском пространстве: проблемы взаимодействия РФ с русской диаспорой в Украине // Ежегодник. СНГ: Проблемы, поиск, решения. – М.: РУДН, 2011. – С. 323–339 (1 п.л.).

52. Мосейкина М.Н. Семья русских эмигрантов в странах Латинской Америки между Первой и Второй мировой войнами // Глобальные демографические проблемы современности. Миграции и миграционная политика. / Отв. ред. В.В. Минаев. Сост. В.Б. Жиромская. Сб. ст. – М.: РГГУ, 2011. – С. 403–412 (0,5 п.л.).

Мосейкина М.Н.

Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-1960-е гг.

В диссертации исследуется история русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1920-1960-е гг., проанализированы факторы и направления правовой, экономической, политической, социокультурной адаптации на разных этапах ее существования за рубежом. Рассмотрена проблема отношений эмиграции и родины, определяется научное и политико-практическое значение исторического опыта существования русской диаспоры в ибероамериканском мире, сделаны научные выводы и рекомендации для прогнозирования новых тенденций в сфере гуманитарного измерения внешней политики России на современном этапе.

Moseykina M.N.

Russian emigration to Latin America in 1920-1960.

The dissertation takes a survey in: the history of Russian emigration to Latin America in 1920-1960, its legal, economical and sociocultural adaptation features on different stages of its existence, specifics of ideological and political life abroad. The problem of relations between expat community and the motherland is analysed, the scientific and political importance of historical existential experience of russian expat community in Ibero-American world is assigned, academic conclusions and recommendations for forecasting new tendencies in the sphere of humane dimension of Russian policy are made.

Подписано в печать: 14.03.12
Объем: 2,5 усл.п.л.
Тираж: 100 экз. Заказ № 7075
Отпечатано в типографии «Реглет»
119526, г. Москва, Проспект Вернадского д.39
(495) 363-78-90; www.reglet.ru